

Доктор Данилов в дурдоме, или Страшная история со счастливым концом

Автор:

[Андрей Шляхов](#)

Доктор Данилов в дурдоме, или Страшная история со счастливым концом

Андрей Леонович Шляхов

Доктор ДаниловПриемный покой

«Вам интересно узнать, как на самом деле проходят будни в сумасшедшем доме? Звери-санитары и не совсем нормальные врачи – именно с этим сталкивается доктор Данилов, когда благодаря весьма странным обстоятельствам попадает в «желтый дом». Добро пожаловать, дорогой читатель! С уже полюбившемся многим героем вы узнаете, в какой цвет обычно выкрашены палаты и что происходит, когда звучит команда «отбой». Действие романа Андрея Шляхова разворачивается в зловещем, абсурдном, но очень интересном месте. Как говорил Кастанеда: «мы боимся сойти с ума. Но к несчастью для нас, мы боимся сойти с ума. Но к несчастью для нас, мы уже все и так сумасшедшие.

Андрей Шляхов

Доктор Данилов в дурдоме, или Страшная история со счастливым концом

Грубым дается радость,

Нежным дается печаль.

Мне ничего не надо,

Мне никого не жаль...

Сергей Есенин, «Грубым дается радость...»

И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа; потому что во mnogой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь.

Екклесиаст, 1:17-18

Психиатрическая помощь лицам, страдающим психическими расстройствами, гарантируется государством и осуществляется на основе принципов законности, гуманности и соблюдения прав человека и гражданина.

«Закон о психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»

Глава первая

Дурдом

– Как вас зовут?

– Владимир.

– Кто вы по профессии?

– Врач.

– Какое сейчас время суток?

– Вечер... Нет, уже ночь.

– Какой день недели, какое число месяца?

– За вами на стене висит календарь. Обернитесь и посмотрите.

– Спасибо, я так и сделаю.

Оборачиваться не стала. Правило номер один: «никогда и ни при каких обстоятельствах не поворачивайся к больному, могущему представлять хоть какую-то опасность, спиной и ни на секунду не упускай его из виду».

– Какое сейчас время года?

– Весна.

– Где вы находитесь?

– В Москве.

Женщина в белом халате явно ожидала другого ответа, но с уточнениями лезть не стала – продолжила беседу, больше походившую на допрос.

– Что с вами произошло?

– Ничего особенного – родился, потом жил. Долго углубляться в детали.

– Деталей не надо, – поспешила согласиться собеседница. – Как вы здесь оказались?

– Перед вами лежит сопроводительный лист «скорой помощи». Там все написано.

Никакой реакции – ни сдвигающихся бровей, ни улыбки. Коровий взгляд больших, навывкате (щитовидка явно барахлит) глаз. Настороженности во взгляде не проскальзывает, значит – опытная, давно научилась владеть собой. Или все так обрыдло, что никаких эмоций не осталось.

– А почему вы к нам поступили?

– Вам лучше знать.

– Как по-вашему – вы нуждаетесь в нашей помощи?

– Спасибо, но я в состоянии решать свои проблемы самостоятельно.

– Разумеется. – Нет, с такой выдержкой надо в шпионы идти, а не здесь дни коротать. – Что вас беспокоит?

– Свет. Не люблю, когда очень ярко. Глаза режет.

– К сожалению, освещение не поддается регулировке...

Пересесть тоже нельзя – некуда. Обстановочка суперминималистская – стол, кушетка, стул у стола, белый шкаф в углу. Дверцы у шкафа не стеклянные, а металлические, вся мебель привинчена к полу здоровенными болтами. За дверью слышится сопение санитара. Искривленная носовая перегородка или полипы? Скорее всего перегородка – здесь небось часто по морде дают.

– О чем вы думаете?

Заметила. Внимательная, значит.

– Ни о чем.

– Хотите поговорить о том, что у вас на душе?

– Нет, спасибо.

– Вас окружают люди в белых халатах. Почему?

– Вам бы провериться или выспаться получше, ведь кроме вас здесь никого в белом халате нет. Какие «люди окружают»?

– Я выразилась образно. Вы ведь понимаете, когда говорят образно?

– Понимаю. Если образно, то люди в белых халатах окружают меня уже полтора десятка лет, с того дня, как я поступил в медицинский...

– Вы в Москве учились?

– Да.

– В каком?

– Во Втором.

Старая «классификация» въелась намертво. Какие там медицинские академии и университеты? Первый мед, Второй мед и Третий мед. Плюс «лумумба» – медицинский факультет университета дружбы народов, которому порядкового номера не досталось.

– А я – в Третьем. Скажите, Владимир, вам что-нибудь мешает прямо сейчас встать и пойти домой?

– Не что, а кто. Два амбала за дверью.

– А если я вам скажу, что они не станут вам препятствовать, то вы прямо сейчас встанете и уйдете?

– Да, разумеется.

– И куда вы пойдете?

– Домой, отсыпаться. Только вы все равно меня не отпустите.

Голова раскалывалась, шею саднило, но спать не хотелось. Хотелось лежать с закрытыми глазами и думать о жизни. Не вспоминать, ничего не вспоминать, а только думать, размышлять.

– Я постараюсь убедить вас в том, что остаться здесь прежде всего в ваших собственных интересах.

А ведь, в сущности, она права – идти-то некуда. Парадокс – есть два дома, а идти некуда. Потому что в одном месте – душно, а в другом мрачно.

– Предположим, что вы меня убедили.

Сбор анамнеза в психиатрии бесконечен. Если хочешь поскорее улечься и закрыть глаза, то не стоит затягивать процесс. Все равно эта мымра не отвяжется, пока не задаст все положенные вопросы. Мымра, как есть мымра – лицо острое, хищное, волосы похожи на свалявшуюся паклю, на лбу, несмотря на возраст «явно за сорок», – подростковая россыпь прыщей.

– Считаете ли вы себя больным?

– Тому, что здоровых людей не существует в природе, учат на первом курсе.

– Да, вы правы. Скажите, Владимир, а не было ли у вас когда-нибудь состояний, похожих на сновидения наяву?

– Были, давно.

– Можете рассказать поточнее?

– Да что рассказывать – какой подросток не грезил наяву, рассматривая порножурналы...

Ты спросила – я ответил. Претензий быть не должно. По идее, сейчас она спросит: «Что вы видели?», затем уточнит, как долго все это длилось, и непременно поинтересуется: «Вы были участником увиденных во «сне» событий или же наблюдали их со стороны?»

– Вы поморщились. У вас сейчас что-то болит?

– Голова. – Про шею говорить не хотелось. – Голова болит.

– Где вы ощущаете боль?

- По всему черепу.
- Есть ли какие-то особенности у этих болей?
- Есть. Они меня беспокоят.
- Существует ли какая-нибудь связь их возникновения или усиления с факторами внешней среды?
- Да, конечно. Все, что раздражает или утомляет меня, обычно вызывает головную боль.
- Проходит ли боль при приеме обезболивающих либо успокаивающих средств?
- Уменьшается.
- Хотите обезболивающий укол?
- Спасибо, не надо. Накололи уже – вся задница болит.
- Напомните, если передумаете. А приходилось ли вам слышать какие-либо звуки или голоса, когда рядом никого нет?
- Приходилось. Голос совести. Редко, правда, по пальцам можно пересчитать.
- Голос совести – это хорошо. А что говорила вам совесть?
- Что я поступил плохо и надо исправить положение.
- То есть вы слышите голоса, комментирующие ваши поступки? Что именно они говорят? Сколько голосов у совести?

Пошутил, называется, – симптом себе повесил. От симптома до синдрома – один шаг, а от синдрома до диагноза – рукой подать. Молодец, проявил остроумие.

- Я выразился образно. В реальности никаких голосов не было. Просто, совершая нечто не совсем хорошее, я испытывал угрызения совести. Как и все люди.
- Часто вы их испытываете?
- Редко.
- Что толкает вас на плохие поступки? Гнев? Злоба? Зависть?
- Случайно как-то выходит, неосознанно.
- Не ощущаете ли вы порой хаоса в мыслях?
- Все мы его ощущаем...
- То есть ваш ответ «да»?
- Да!
- Не казалось ли вам когда-нибудь, что вы не контролируете ход собственных мыслей? Что ваши мысли существуют как бы отдельно от вас?
- Нет, не казалось. А у вас бывало такое?
- Нет, не было. А приходилось ли вам видеть то, что окружающие были не в состоянии увидеть?
- Нет.
- Вы полностью откровенны со мной, Владимир?
- Полностью.
- Спасибо. Я очень ценю это. А посещали ли вас какие-либо видения?

– Нет, никогда.

– Не казалось ли вам когда-нибудь, что все, что с вами происходит, уже было?

– Нет.

– И вам никогда не приходилось, увидев что-то впервые, почувствовать, что вы уже видели это раньше? Или слышали?

– Нет.

– Испытывали ли вы хоть раз внезапное, ни с чем не связанное исчезновение мысли?

– Нет, но...

Впрочем, лучше не уточнять. Навесишь себе еще один симптом, только и всего.

– Что помешало вам, Владимир, закончить фразу?

– Ничего, просто не хочу вас задерживать.

– Не беспокойтесь – я на дежурстве и домой мне идти ой как нескоро...

Часов мы, конечно не носим, все правильно. И ручки из нагрудного кармана не торчат, ручка всего одна – та, что в руках. И достала она ее из каких-то потаенных недр. Иначе и нельзя, ведь выхватить торчащую из кармана ручку и всадить ее в глаз – дело секундное. Моргнуть, как говорится, не успеешь.

– Скажите, Владимир, не чувствуете ли вы необходимость постоянно проверять, выполнили ли вы какие-то действия? Выключили ли утюг, например? Заперли ли дверь?

– Нет.

– Испытываете ли вы потребность многократно повторять одни и те же действия совершенно одинаковым способом?

– Нет.

– Вы когда-нибудь ощущали, что какие-то мысли не принадлежат вам, а внушены вам извне?

– Нет.

– А не ощущаете ли вы порой, что ваши мысли изымают из вашей головы?

– Нет.

– Чувствовали ли вы хоть раз, что какая-то внешняя сила пытается управлять вами?

– Не далее как сегодня, когда меня везли сюда.

– А поточнее?

– Ну я совсем не собирался ехать в дурдом, а они меня привезли.

– Владимир, вы, конечно, можете называть то место, где мы сейчас находимся, как вам будет угодно, но мне кажется, что слово «клиника» смотрелось бы уместнее. Ведь мы же с вами врачи.

– Во-первых, сейчас я – пациент или что-то вроде того. А во-вторых, слово не может «смотреться», не так ли?

– Вы правы, – согласилась «мымра». – А не посещает ли вас ощущение, что ваши действия контролируются кем-то или чем-то, находящимся вне вас? Каким-то человеком, какой-то посторонней силой или, скажем, группой людей?..

Цепочка традиционных вопросов... Это терапевты спешат выслушать, выстучать и пропальпировать пациента, отчего зачастую бывают малоразговорчивы. Мозг

не прощупать рукой – только вопросами. Как шутили студенты: «Если хочешь ни хрена не делать, только языком молоть – иди в психиатры». Скучная, надо признать, работа, даже не скучная, а унылая. Хотя некоторые вопросы не так уж и скучны.

– Владимир, вы женаты?

– Д-да.

– Не посещают ли вас мысли о том, что ваша супруга может быть неверна вам?

– Бреда ревности у меня нет и не было.

– Простите меня, но вы, не будучи специалистом в нашей области, не вправе ставить диагнозы. Достаточно просто ответить на мой вопрос.

– Ревновал иногда.

– Какие-то основания к тому у вас были?

– Тогда казалось, что – да, но потом я понял, что был неправ.

– И испытывали угрызения совести?

– Да, испытывал!

– А не казалось ли вам, что вы заслуживаете более сильного наказания за какие-то ваши поступки, чем просто угрызения совести?

– Нет, не казалось.

– Думаете ли вы порой о том, чтобы как-то наказать себя?

Тепло, тепло. Вот и подобрались к главной теме. Значит, скоро конец.

– Нет, не думаю.

– Не приходилось ли вам испытывать некое ощущение несвободы, совершенно не связанное с внешними обстоятельствами?

– Приходилось и приходится. Вот хотя бы сейчас. С одной стороны, я вроде как свободен, а с другой – сижу здесь, из последних сил борюсь с усталостью и отвечаю на ваши вопросы. Может быть, уже пора заканчивать?

– Ну, потерпите, еще немножечко, прошу вас. – «Мымра» смешно вытянула губы трубочкой, словно готовясь свистеть. – Мы уже почти закончили. Скажите, пожалуйста, а не ощущали ли вы когда-нибудь, что ваши мысли или чувства не принадлежат вам? Что они какие-то чужие, чьи-то, но не ваши?

– Нет, не приходилось.

– Вы, Владимир, так категоричны... сразу все отрицаете. А если подумать?

И ведь считали психиатрию наивные студенты чуть ли не самой интересной из всех медицинских специальностей! Как же, самая тончайшая из материй – человеческий разум, был подвластен... Да ни хрена он не был подвластен! Не был и не будет! Попытки узнать незнакомого человека при помощи заведомо тупых вопросов, кочующих из методички в методичку, из учебника в учебник, заведомо обречены на провал. Психологи, черт бы вас побрал! Знатоки душ человеческих! Как же – держи карман шире. Сидит перед тобой тупая самовлюбленная (и очень самодостаточная!) идиотка и думает только о том, чтобы скорее закончилось ее дежурство. Да она тебя не глядя запишет в законченные беспросветные шизоиды, особенно с учетом событий, предшествовавших твоему появлению здесь. Опять же – посттравматическая энцефалопатия... Чудесный диагноз, к которому можно «привязать» все что угодно. Будешь ты, Вольдемар, не шизоидом, а энцефалопатом – какая тебе разница? Да никакой, как ни крути, разницы. Ярлык на всю оставшуюся жизнь...

– Доводилось ли вам чувствовать, как некая сила управляет вашими движениями?

– Доводилось, но это очень интимное. Можно, я не буду уточнять?

– Конечно, ведь мы просто беседуем...

Знаю я это «просто беседуем». Побеседуем, а потом... Впрочем, какая разница? Если ты в жопе, то размеры этой самой жопы уже не существенны. Главное – сам факт.

– А не чувствовали ли вы некоего необычного воздействия?

Нельзя работать так тупо. Неужели ты думаешь, что человек, которому задают один дурацкий вопрос за другим, способен на откровенность? Или тебе уже настолько все безразлично, что хочется просто оттарабанить положенное и уйти спать? Тогда зачем нам мучить друг друга? Напиши везде «нет», и все тут. Нет же, будет сидеть и долдонить... Кто сказал, что самая страшная птица – это дятел, потому что – упорно в одно и то же место? Не помню... Но сказано здорово. Метко.

– Владимир, вы не расслышали мой вопрос?

– Расслышал. Не чувствовал.

– Скажите, пожалуйста, Владимир, а почему вы избегаете называть меня по имени?

Потому что я не понял твоего имени. Ты пробурчала его скороговоркой, и я успел уловить только фамилию – Тертычная. Редкая фамилия.

– Меня зовут Мария Михайловна. Можно просто – Мария.

Разумеется, если я – Владимир, то ты – Мария. Просто Мария... Кажется, был такой сериал, мама его смотрела. Тогда еще была мама...

– Если вам важно, я буду называть вас по имени... Мария.

– Спасибо, Владимир. Скажите, пожалуйста, а как вы себя чувствуете в смысле душевного состояния? Есть ли какая-то тревога или некая неопределенность?

– Неопределенность есть.

– Какая же?

– Думаю, в какую палату вы меня поместите. В казарму на двадцать коек или в двухместную с тихим соседом, который не храпит по ночам.

– У нас, к сожалению, нет двухместных палат. Только четырехместные.

– А если к вам директор департамента ляжет? Вы его тоже в четырехместную запихнете?

– Владимир, давайте не будем отвлекаться. А то мы и впрямь до утра не закончим. Кстати, а как вы видите себе ваше будущее?

– Ближайшее или отдаленное?

– И то, и то.

– В ближайшем вы отправите меня в четырехместную палату, а в отдаленном я помру.

– Вас это тяготит?

– Четырехместная палата? Конечно! Знаете ли, я всю жизнь находился по ту сторону баррикад, и вдруг очутиться по другую, да еще в четырехместной палате...

– Владимир, я имела в виду смерть...

– Нет, Мария, не тяготит. Особенно с учетом причины моей госпитализации. Четырехместная палата куда хуже.

– Увы, что есть, то есть. Чем богаты... Но если это вас очень сильно тревожит, то я могу поместить вас в изолятор на короткий срок. Для адаптации.

– Спасибо, не надо. Давайте уж в палату. В холодную воду, знаете ли, надо бросаться с разбегу.

– Интересные у вас сравнения. Чувствуется богатое ассоциативное мышление.

Или ты начнешь отвечать на вопросы кратко и односложно, или выйдешь отсюда законченным, готовым шизоидом. «Да» или «нет», и ни словом больше! И так уже наболтал много лишнего. Даже чересчур.

– Владимир, испытывали ли вы периоды угнетенности, грусти или даже безнадежности?

– Испытывал.

– Как часто?

– Один раз. Недавно. Когда хоронил мать.

– Извините, я не хотела причинить вам боль...

А зачем ты тогда тут сидишь? Или, по-твоему, мы ведем приятную светскую беседу?

– А испытывали ли вы состояние полной безрадостности, когда вам все безразлично?

– Испытывал. Вот, например, сейчас.

– А до того?

– Не помню.

– А памятью своей вообще-то довольны?

– Вполне.

– Ощущаете ли вы сейчас некоторую заторможенность?

Конечно, ощущаю. Что, интересно, должен ощущать самоубийца-неудачник? Эйфорию? Жажду жизни? Любовь к природе? Или желание, чтобы его оставили в покое? Вопрос на засыпку...

– Ощущаю. От усталости.

– Это закономерно. – Доктор покивала головой. – А вы способны думать о приятном? О том, что обычно доставляет вам удовольствие?

– Способен, но не сейчас.

– Почему?

– Потому что я очень устал.

– Скажите, Владимир, вас в последнее время не посещало чувство недовольства собой?

– Нет.

– И вы предприняли попытку суицида, будучи довольным собой? – Брови вверх, глаза покруглее, кадр пятый: «изумление с недоверием».

– Я был недоволен тем, как я живу. К себе у меня никаких претензий нет.

– Позвольте вам не поверить...

– Дело хозяйское.

– Если вы недовольны тем, как вы живете, то вы не можете не быть недовольным собой.

Господи, что ты вообще знаешь об этом, тупая насадка! Представляешь ли ты, что приходится пережить в тот миг, когда ты ногой отталкиваешь стул?.. И что бывает потом, когда секундой позже ты оказываешься на полу... Ты еще спроси, нет ли у меня ощущения безнадежности, беспросветного жизненного тупика.

– И тем не менее...

– Ладно, Владимир, давайте поговорим об этом в другой раз.

– Хорошо.

– Скажите, пожалуйста, есть ли у вас проблемы со сном? Насколько легко вы засыпаете?

– Проблемы со сном есть у всех, не так ли?

– Возможно, но сейчас мы говорим о вас. Итак?

– Сплю я нормально.

– И в последние дни тоже?

– Да, никаких изменений.

– А случаются ли у вас беспричинные пробуждения среди ночи?

– Нет.

– Беспокоят ли вас кошмарные сновидения?

– Редко.

– Что вам снится, Владимир?

– В основном снится, что я не могу сдать какой-нибудь экзамен, Мария.

– А в каком настроении вы обычно просыпаетесь?

– В хорошем. Это потом мне его портят. В течение дня.

– Всегда – в хорошем?

– Всегда.

Ты мне, конечно, не поверила и правильно сделала. Но в мои намерения не входит изображать перед тобой исповедь на заданную тему. Тысяча извинений.

– То есть утро – самая светлая пора в вашей жизни?

– Да.

– Скажите, Владимир, а почему вы так скованны? Я на вас действую как-то не так?

– Да нет, все нормально.

– Приходилось ли вам испытывать внезапные приступы необъяснимой паники или беспричинного страха, причем воспринимая эти ощущения буквально физически?

– Нет, никогда.

– А доводилось ли вам испытывать особую приподнятость настроения в какой-то период вашей жизни?

– Да, если верить моей матери, то я был очень веселым и позитивно настроенным ребенком.

Да, я и впрямь был таким ребенком. Куда все подевалось? О, безжалостное время! Детство уже почти забылось. Помнятся лишь отдельные эпизоды – самые яркие пятна из биографии...

Все когда-нибудь заканчивается, закончился и допрос. Из железного шкафа доктор Тертычная достала тонометр и фонендоскоп. Узкоспециальная часть сменилась общетерапевтической.

Давление оказалось на удивление нормальным – сто двадцать пять на восемьдесят. Просто насмешка над человеком, несколько часов назад готовившимся покинуть этот бранный мир и почти что осуществившим свое желание. Пульс слегка частил, перевалив за восемьдесят ударов в минуту.

Осмотр был произведен по полной программе. Не то из-за «цеховой» принадлежности пациента, не то просто из добросовестного отношения к работе. Постучала, выслушала, помяла, убрала тонометр с фонендоскопом в шкаф, достала оттуда молоточек и занялась оценкой неврологического статуса. Все бы ничего, только вот руки у доктора Тертычной были не холодными, а просто ледяными, а еще от нее сильно пахло рыбой. Не иначе поужинала баночкой шпрот.

– Что ж, если бы не некоторые мелочи, то вас можно было бы считать совершенно здоровым, – сказала она, закончив осмотр. – Сейчас мы снимем кардиограмму и на этом закончим.

Кардиограмму снимали здесь же, на допотопном переносном кардиографе, долго думавшем перед выдачей результата. В роли медсестры выступал небритый пожилой дядечка, то и дело к месту и ни к месту сыпавший прибаутками. Встречаются такие типы, которые если не скажут в рифму, так непременно какую-нибудь присказку прицепят.

– Наши руки не для скуки, – выдал он, цепляя перфорированный резиновый ремешок с электродом на правую руку пациента.

– Мы сейчас поднимем ножки, станем топтать по дорожке, – было сказано при наложении электродов на ноги.

– Лежим, не шевелимся, не мычим, не телимся, – сказал он перед тем, как включить свой аппарат.

Он так и не узнал, насколько близок был к получению «в морду». Сделал свое дело, скатал в рулончик снятую ленту, отсоединил электроды и скрылся за дверью, сказав на прощание:

– Наше дело не тужить, нарисуем – будем жить!

Не иначе как из бывших пациентов. Поступил с обострением шизофрении, подлечился и понял, что не в силах расстаться с таким чудесным учреждением. Понял – и остался в медсестрах, то есть в медбратьях, хотя нет, в трудовой книжке и мужчинам пишут «медсестра». Кто-то говорил об этом, кажется Саркисян... или Эдик... Ладно, проехали, неважно все это.

– Вам придется переодеться, – предупредила Тертычная. – У нас такое правило – все больные ходят в пижамах. И предварительно придется помыться в душе.

– Это обязательно? – мыться что-то не хотелось.

– Да, обязательно, – подтвердила врач. – Саша вас проводит. После душа зайдете в процедурную, там вам сделают укол снотворного – и можете спать. Обходы, что профессорский, что заведующего, у нас проходят поздно, не раньше полудня, так что выспаться вы успеете.

Глава вторая

Утрата

Светлана Викторовна умерла утром во время завтрака. Данилов, обеспокоенный тем, что мать в субботу не отвечает на телефонные звонки, приехал в первом часу и увидел ее лежащей на полу кухни. Поза была неестественной – мать лежала скрючившись и подвернув под себя правую руку. Левую руку она протянула вперед, словно намереваясь схватить кого-то или что-то. Рукав махрового халата задрался, на белом мраморе руки змеились синеватые вены.

Как врач Данилов сразу же понял, что все уже произошло несколько часов назад, но как сын он поверить в это не мог. Перевернул тело матери на спину, стукнул кулаком по груди (удар иногда помогает «запустить» остановившееся сердце) и начал делать непрямой массаж сердца, чередуя ритмичные надавливания на грудную клетку с искусственным дыханием «рот в рот». Холода материнских губ он не ощущал.

Сколько времени он пытался реанимировать труп и сколько времени рыдал во весь голос, осознав свое бессилие, Данилов не помнил. Помнил только прибежавшую на шум соседку и еще каких-то людей. Люди задавали ему вопросы, он отвечал, но все это было как сон, все это было не с ним, всего этого не должно было быть...

Потом появилась Елена. Ничего не говорила, только сидела рядом и гладила по руке. Данилов хотел сказать ей, что мама на самом деле умерла, что он пытался ее спасти, но не смог выдать из себя ни слова – только мычание, перемежающееся всхлипами. Но Елена и так все поняла. Еще немного посидела рядом, потом мягко, но настойчиво потянула Данилова прочь из кухни. Данилов подчинился и оказался в своей комнате. Елена уложила его на диван, накрыла пледом и вышла. Данилов послушно закрыл глаза, но заснуть так и не смог. Елена, должно быть, поняла это по его дыханию, потому что через какое-то время вернулась со стаканом в одной руке и двумя таблетками в другой. Вскоре лекарство (снотворное из материнских запасов) подействовало, и Данилов заснул. Он спал до следующего утра, проспал приезд «труповозов» и визит ритуального агента... Всем занималась Елена, которой помогали две близкие подруги Светланы Викторовны и тетя Аня, соседка по лестничной площадке.

Народу на похоронах было немного – человек тридцать, многих из которых Данилов знал только понаслышке. Чувствуя, что сегодняшний день окажется самым тяжелым, он с утра наелся обезболивающего, запил его стаканом водки и оттого держался хорошо – выслушивал соболезнования, стоял рядом с гробом и вообще делал все, что положено в подобных случаях. Время от времени обменивался взглядом с Еленой, один раз подумал: «Интересно, а что испытывает она, хороня, в сущности, совершенно чужого ей человека? Что это – притворство в рамках приличия или простое сочувствие?» Мысль была ненужной и неуместной, поэтому Данилов больше к ней не возвращался.

Когда гроб плавно опустился в свежевырытую могилу, Данилов ничего не почувствовал и очень этому удивился. Чуть позже понял причину – мать осталась там, в Карачарове, на полу кухни, выстланном ее любимой плиткой («Правда, хороший выбор, и симпатично, и совсем не скользко, даже если воду пролить?»). Здесь, в гробу лежала совершенно посторонняя, незнакомая женщина, лишь отдаленно похожая на мать. Да – примерно те же черты лица, но сколько в мире похожих людей!..

Накатило после, дома, на поминках, точнее – под конец поминок, когда гости, сидящие за длинным, взятым напрокат у тети Ани раздвижным столом, слегка оживились от выпитого и от скорбной темы перешли к обычным – заговорили о своих делах и заботах. Заговорили прилично, негромко, без улыбок и, упаси боже, анекдотов, но тем не менее разговор стал живым, обыденным, и от этого горечь стала разъедать душу пуще прежнего. Дело было не в душевном состоянии и не в разговорах, в конце концов, жизнь продолжается и будет продолжаться, несмотря ни на что. Подействовало другое – дома у матери шел разговор о жизни, а хозяйка не могла в нем участвовать. Не могла и уже никогда не сможет. Никогда...

Отчего-то вспомнилось стихотворение Евтушенко, написанное на смерть Ахматовой (мать так и не привила сыну любовь к поэзии, но многое из того, что она то и дело цитировала, Данилов запомнил):

Она ушла, как будто бы напев

Уходит в глубь темнеющего сада.

Она ушла, как будто бы навек

Вернулась в Петербург из Ленинграда.

Е. А. Евтушенко. «Памяти Ахматовой»

Куда ушла мать? Вернулась в прошлое? Растворилась в небытии? Или до сих пор продолжает присутствовать здесь, рядом, только ее не видно... А видит ли она что-нибудь? Или ей уже неинтересно?

Данилов растерянно огляделся, словно надеясь увидеть где-нибудь за столом или в задвинутом в угол кресле Светлану Викторовну, но кроме лиц, знакомых и ставших знакомыми за сегодняшний день, ничего не увидел...

С последним из гостей, учителем математики из лицея, в котором работала Светлана Викторовна, сдвинули стол и отнесли к соседке. Затем Данилов принялся вытирать посуду, уже вымытую Еленой, и расставлять ее по местам. Тарелок, стаканов и вилок с ножами хватило на всех, не пришлось занимать у соседей, впрочем, на поминки с кладбища приехали не все – человек пятнадцать.

Затем Данилов проводил Елену до машины (время уже перевалило за полночь), но сам с ней не поехал – сказал, что хочет остаться здесь. Елена все поняла и не стала отговаривать. Пообещала позвонить утром и уехала.

Данилов с четверть часа потоптался в пустом дворе, чуть ли не впервые в жизни пожалев о том, что так и не выучился курить. Ах, как бы сейчас пригодилась эта вредная привычка!

Делать нечего – пришлось обходиться теми, которые успел приобрести. Обеспечение (мать всякий раз так смешно сердилась, слыша это слово с ударением не на втором по счету «е», а на третьем – учительница!) было – с поминоком осталось два десятка бутылок водки, закупленной в расчете «не уйдет сразу – так останется на девятины и сороковины».

Захотелось позвонить Полянскому, уже вторую неделю отдыхавшему в Египте, но Данилов переборол это желание. Зачем портить человеку отдых и выставлять его на дорогой международный звонок? Мать уже не вернуть, пусть Игорь вернется в Москву, тогда и узнает...

Темнота вокруг дышала равнодушием, совсем не собираясь разделять даниловскую скорбь и чем-то компенсировать его чувство утраты. Данилов вздохнул и потянул на себя дверь подъезда...

Вернувшись домой, обратил внимание на то, что зеркало в прихожей завешено, и удивился тому, что не заметил этого раньше. Стряхнул с ног кроссовки и в носках прошелся по квартире, зажигая повсюду свет. С ним было если не веселее, то как-то спокойнее.

Долго стоял под ледяным душем, но нисколько не замерз – только выветрился хмель. Хмеля было немного, если считать и утренний стакан, то выпил он сегодня не больше полулитровой бутылки. А вот теперь пришло время наверстать упущенное.

Пить хотелось не просто так, а со смыслом. На кухонном столе Данилов «накрыл поляну» – два стакана, две тарелки, бутылка водки, хлеб, нарезки, оставшиеся с поминального стола. Нарезки: колбасу, ветчину, сыр – свалил горкой на самую большую из тарелок, чтобы не заставлять посудой весь стол. В завершение поставил на стол подсвечник со свечой, зажег ее, разлил водку по стаканам,

накрыл, как и положено, материнский ломтиком черного хлеба, сел за стол и сказал:

– Ну что, мам, давай прощаться, раз уж так получилось...

Минут через пять, так и не отводя глаз от накрытого хлебом стакана, он неожиданно заговорил вслух о том, что волновало его последнее время. Рассказывал матери, но в глубине души не был уверен, что она его слышит, хотя верить в это очень хотелось. Рассказывал откровенно, ничего не утаивая и не сглаживая, рассказывал так, как давно уже не говорил с матерью. Если не подводит память, то последний раз он делился с нею своими чувствами и мыслями классе в шестом. Да-да, именно в шестом. В седьмом он уже счел себя достаточно взрослым для того, чтобы справляться со всеми проблемами самостоятельно. Разговоры по душам случались и потом, причем не так уж и редко, но сын всегда прикидывал, что можно говорить, а что нельзя. Что стоит, а что не стоит, чтобы лишний раз не волновать мать. А ведь хороший, душевный разговор, настоящий разговор, получается только тогда, когда ты говоришь все, что хочешь сказать, и совершенно не следишь за тем, что следует говорить, а что – нет. Постоянный контроль за собой убивает искренность, и не исключено, что мать это замечала, обижалась, но виду не подавала. Несмотря на некоторую сублильность, она была очень сильным человеком и прекрасно умела владеть собой. Педагог с сорокалетним стажем, да...

К концу второй бутылки язык начал заплетаться. Данилов очень здраво рассудил, что вслух говорить не обязательно, можно и про себя. Если мать его сейчас слушает, то услышит и так. Если нет, то и напрягаться незачем, сам с собой он прекрасно разговаривает и молча.

Свеча догорела, но новую искать не хотелось. Лунного света было достаточно для того, чтобы не пронести горлышко бутылки мимо стакана, а руку – мимо тарелки с закуской.

Заснул Данилов прямо за столом, как раз в то время, когда объяснял матери, почему он, при всей своей любви к игре на скрипке, никогда не задумывался о музыкальной карьере. Объяснение выходило путаным и сбивчивым, слова вслед за мыслями перескакивали с одного на другое, и оттого выходило, что концертирующим скрипачом Данилов не стал лишь потому, что стеснялся играть на людях. На самом же деле музыка была для него чем-то сокровенным, продолжением его мыслей, его эмоций, воплощением его настроения, и потому

играть напоказ, на людях, было сродни принародному раздеванию догола. Такой вот музыкально-ментальный эксгибиционизм ни отнять, ни прибавить. Подобно одному герою анекдотов, Данилов понимал все правильно, а выразить свою мысль не мог и оттого очень страдал, сознавая, что нынешний разговор с матерью – последний из последних. Следующего уже никогда не будет. Не может быть...

Данилова разбудила санитар, объявивший с порога:

– Новенькие! Обход к вам идет!

Громкое заявление было подкреплено звуком захлопнувшейся двери.

Данилов сел в кровати, протер глаза, окончательно расставаясь со сном, и огляделся по сторонам.

Палата как палата. Светло-зеленые стены, белый, в трещинах, потолок, четыре койки. Две свободные, без постельного белья – только пятнистые матрацы лежат. Возле каждой – прикроватная тумбочка. Все, разумеется, привинчено к полу. На койке напротив – собрат по несчастью, мужичок неопределенного возраста и невзрачной наружности. Тоже трет глаза. Вот закончил и осовело уставился на Данилова.

– Владимир, – представился Данилов.

– Юра, – ответил мужичок. – Тебя ночью положили, я сквозь сон слышал...

Дверь распахнулась, впуская группу людей в белых халатах. Идущий впереди лысый коротышка, похожий лицом на бегемота из мультфильмов, конечно же профессор. Тот, что повыше и с надменной физиономией, заведующий отделением, не иначе. Он самый – вон как начал зыркать глазами по углам, проверяя, нет ли где грязи или чего-то запрещенного. Румяная толстушка в высоченном колпаке – старшая медсестра. Стриженная под мальчика жилистая брюнетка со стопкой историй в руках – палатный врач, двое мужчин среднего возраста за ее спиной – врачи, ведущие другие палаты, а усатая осанистая матрона, окруженная группой молодежи, не иначе как доцент. Или – ассистент кафедры. Нет, все же доцент – у ассистентов не бывает столь величественной осанки и столь высокомерного взгляда. Если бы не молодь вокруг, Данилов

зачислил бы матрону в заместители главного врача. Но в этом случае ей следовало не замыкать процессию, а идти во главе, рядом с профессором.

Ни одного знакомого лица, чего и следовало ожидать, ведь кафедра не «своя», куда на пятом курсе бегал целый год, а «чужая», другого вуза.

Начали по часовой стрелке – с соседа. Профессор уселся на край кровати (ни одного стула в палате не было), все прочие растянулись в дугу.

– Родился от первой беременности, – зазвучал звонкий, хорошо поставленный голос палатного врача. – Беременность и роды без отклонений, развитие без особенностей, ходить и говорить начал вовремя. Из детских инфекций помнит только корь и ветрянку. Рос в обычной семейной обстановке, отец злоупотреблял алкоголем, но скандалы в семье были не часто...

Данилов прикинул, что при столь обстоятельном докладе раньше чем через полчаса очередь до него не дойдет, и улегся на спину, закинув руки за голову.

– В школу пошел с семи лет. Особого интереса к учебе никогда не испытывал, учился преимущественно на тройки, отношения с одноклассниками были хорошими...

Данилов напряг память, но так и не смог вспомнить, чтобы его на ночном допросе, искусно замаскированном под сбор анамнеза, спрашивали о школе. Или спрашивали, но он об этом начисто забыл.

– С двенадцати лет беспокоили головокружения неясной этиологии. Наблюдался у невропатолога с диагнозом «вегетососудистая дистония». После окончания десяти классов поступил в полиграфический колледж. Служил в армии, в танковых войсках. Курить начал с восемнадцати лет. В день в среднем выкуривает полпачки сигарет. Крепкими напитками не злоупотребляет, предпочитая им пиво...

«Названную вам норму потребления алкоголя следует умножать на четыре, чтобы получить правильный ответ! – учил один из институтских профессоров. – И никогда не верьте тем, кто утверждает, что пьет одно лишь пиво!»

– Женат дважды, с первой женой развелся спустя год после свадьбы по причине супружеской неверности...

– С чей стороны была неверность? – уточнил голос с хрипотцой, явно профессорский.

– С ее, – сосед ответил вперед врача. – Та еще была «прости господи», ни одного причиндала не пропускала. Многостаночница, мать ее...

– Вы так ярко рассказываете! – то ли искренне, то ли притворно восхитился профессор. – Я прямо вижу вашу первую жену как наяву! Но не будем отвлекаться. Продолжайте, Тамара Александровна...

– В следующем браке, длящемся по сей день, имеет двух детей, дочь и сына. Дети растут и развиваются нормально. Жена работает поваром в кафе. Отношения с женой и детьми характеризует как «прекрасные»...

Данилов искренне порадовался за соседа и продолжил слушать дальше.

– Около двух лет назад жизнь стала казаться скучной и однообразной. Начало тяготить отсутствие новых впечатлений, по собственному выражению, «задолбала тоска». Больным себя считает около полутора лет, с того дня, когда после нервной перегрузки, вызванной увольнением с работы, внезапно ощутил чувство нехватки воздуха, головокружение, учащенное сердцебиение, страх смерти.

– Дома? – уточнил профессор.

– На улице, по выходе из метро... Состояние купировалось самопроизвольно. Приблизительно через две недели впервые в жизни появились давяще-распирающие головные боли, бессонница, тремор...

Наш человек! Данилов, пользуясь тем, что на него никто не смотрит, не вставая вытянул вперед руки и посмотрел на кончики пальцев. Те заметно подрагивали. Тремор, что и требовалось доказать.

– Сосед, дочь которого работает медсестрой в детской поликлинике, подсказал мысль об опухоли мозга...

Развелось самобытных диагностов, которым отдаленная причастность к медицине, выраженная в наличии дочери-медсестры, дает право на постановку неврологических диагнозов, что называется, с первого взгляда. Убивать надо таких соседей и посмертно топить в Москве-реке. Рыбам на корм, если там еще остались рыбы... Впрочем, остались, вон доктор Могила со «скорой» ловил в районе Капотни на удочку ротанов. Не себе, конечно, а кошке.

– К врачам обращаться боялся, амбулаторно и самочинно принимал от бессонницы феназепам...

– Откуда брали феназепам? – сразу же спросил профессор.

Закономерный вопрос. В наше время без рецепта в аптеке можно купить разве что аспирин, минеральную воду и презервативы.

– Соседке выписывали, а она со мной делилась, – пояснил Юра.

– Замечательно! – обрадовался профессор. – Как вам повезло с соседями, прямо зависть берет! Один диагнозы ставит, другая снотворным снабжает. Прекрасные отношения.

– Да как же иначе? – В голосе Юры слышалось искреннее удивление. – Не один год бок о бок живем, а почти тридцать лет!

– Великолечно! – Профессор, судя по всему, был из бодрячков-весельчаков. – Пойдемте дальше, Тамара Александровна...

– Давайте к сути диагноза, – попросил-потребовал густой бас.

«Заведующий», – догадался Данилов.

– Тревога по поводу опухоли мозга превратилась в страх, – зачастила Тамара Александровна, – чуть ли не ежедневно начали появляться приступы паники, сопровождавшиеся учащенным сердцебиением, нехваткой воздуха,

головокружением, страхом смерти. Прошел двухмесячный курс лечения в клинике неврозов, после чего чувствовал себя совершенно здоровым в течение полутора месяцев, но затем все симптомы вернулись. Признался, что поддерживающую терапию дома не принимал. Добавилась дезориентация в пространстве и времени и страх внешнего воздействия. Чтобы не превратиться в робота, управляемого неизвестными недоброжелателями, начал носить на голове пластиковую строительную каску, выложенную изнутри несколькими слоями фольги...

«Каска с подкладкой из фольги куда удобнее обычной кастрюли», – подумал Данилов, вспомнив одного из своих пациентов на «скорой помощи».

– Сон был поверхностным, беспокойным, нарастали слабость, разбитость, работать уже не мог, с трудом обслуживал себя. Чувство безысходности вызвало желание покончить с собой, чтобы «скорее отмучиться». Поделится своими мыслями с женой, та вызвала «скорую помощь». По «скорой» госпитализирован не был, обратился в диспансер по месту жительства, откуда был направлен к нам с диагнозом: «Смешанное тревожно-депрессивное состояние».

– Сопутствующие заболевания? – снова подал голос профессор.

– Распространенный остеохондроз позвоночника, хронический бронхит курильщика в стадии ремиссии.

– Что на кардиограмме?

Психиатры не смотрят кардиограммы, так как в большинстве своем не очень-то в них разбираются. Впрочем, они и не обязаны разбираться: все кардиограммы во всех больницах и поликлиниках описываются (то есть расшифровываются) врачами функциональной диагностики.

– При поступлении – синусовый ритм, частота сердечных сокращений семьдесят шесть в минуту, горизонтальное положение электрической оси сердца. Умеренные изменения миокарда желудочков.

– А энцефалограмму уже делали?

– Да, Валентин Савельевич, вот... незначительные изменения в виде дезорганизации и снижения электрической активности, вероятно, обусловленные легкой вертебробазилярной недостаточностью с признаками ирритации срединно-базальных структур мозга. Межполушарная асимметрия неотчетлива. «М-эхо»[1 - «М-эхо» – ультразвуковое исследование головного мозга. Этот метод позволяет увидеть смещение так называемых срединных структур головного мозга, которое, как правило, является следствием какого-либо объемного образования – опухоли, кисты и т. п.] – без патологии.

– Вот видите, дорогой мой человек, нет у вас никакой опухоли в голове! – прокомментировал профессор. – Ультразвук не нашел никакой патологии.

Данилов поразились дисциплинированности студентов (или то были ординаторы?). За все время никто из них не обернулся, не произнес ни слова, не переглянулся с другими. Стояли, наблюдали, только изредка с ноги на ногу переминались. Уж не иностранцы ли?

– Давайте психический статус, – велел профессор.

Психический статус – это детальное и в то же время емкое описание состояния личности пациента и его психических процессов. Так сказать – психиатрическая визитная карточка.

– Все виды ориентировки полностью сохранены. Контакт доступен, на вопросы отвечает по существу, но не всегда улавливает суть вопроса. Память ослаблена – даты важнейших событий своей жизни вспоминает с трудом. Тревожен, временами суеблив, легко раздражается. На лице выражение рассеянности и печали. Фон настроения снижен, предъявляет много жалоб, в основном на ком в горле, мешающий глотать, страх, головокружение, постоянное внутреннее напряжение, угнетенное настроение, слабость, быструю утомляемость. Периодически возникают суицидальные мысли. Суждения примитивны, ограничены, логическое мышление в целом последовательно. Память заметно снижена...

Убаюканный монотонной речью, Данилов сам не заметил, как заснул. Проснулся он от мягкого, можно сказать – ласкового, прикосновения к плечу.

– Данилов Владимир Александрович, наш коллега, поступил по «скорой»...

Глава третья

Просящий не получит, ищущий не обрящет, и стучащему не отворят

Участковый врач (в последнее время, как однажды пожаловалась мать, они менялись чуть ли не еженедельно) оказался человеком понятливым и проникнутым духом корпоративной солидарности.

– Что я, не понимаю, что ли? – сказал он, выкладывая на кухонный стол тощую прошитую пачечку больничных листов. – Тем более – вы врач.

– Спасибо. – Данилов положил на угол стола две голубенькие тысячные купюры.

– Уберите, – потребовал врач. – Можно подумать...

Что именно можно подумать, он объяснять не стал – и так ясно. Заглянул в даниловский паспорт, переспросил место работы и выписал больничный на пять дней.

– Отметьте, что работа по совместительству, – вовремя вспомнил Данилов. – И еще, пожалуйста, выпишите справку в ординатуру.

– На кого учитеесь? – поинтересовался участковый.

– На патологоанатома.

– Милое дело. – Участковый расплылся в улыбке. – Вам можно позавидовать. Тишь, гладь и божья благодать.

– По-разному бывает, – усмехнулся Данилов, вспомнив свои приключения. – Но в целом, конечно, поспокойнее.

Врач выписал справку, убрал бланки и ручку в свою объемистую сумку и многозначительно сказал:

– Вот и все, на сегодня я закончил работать.

– Тогда не торопитесь, – посоветовал Данилов, – давайте перекусим тем, что в холодильнике есть...

– Это можно. Только вы особо не старайтесь, – предупредил врач, похлопывая себя по выпирающему животу, – я много не ем. Бутербродик, ну, максимум – два. Странно – работа далеко не сидячая, а похудеть все никак не получается.

Выговор у него был не московский, с напором на «о».

– Вы сами откуда? – поинтересовался Данилов, расставляя по столу тарелки.

– Из Костромы, – ответил врач и добавил: – Там тоже по участку бегал. Только за другие деньги.

– Может, познакомимся для начала? – Данилов сел и через стол протянул участковому руку. – Я, как уже известно, Владимир.

– А я – Виктор.

– Ну, со знакомством... – Данилов наполнил рюмки.

С гостем было хорошо – немного отступала тоска и не лезли в голову дурные мысли. Вдобавок Виктор оказался очень приятным неназойливым собеседником, из тех, с кем можно и поговорить, и помолчать. И слушал он очень хорошо, уютно, как-то по-деревенски, подпирая щеку рукой.

Немного поспорили о московской жизни. Гость утверждал, что при всех своих недостатках она все равно лучше жизни в провинции, хозяин же упорно в этом сомневался. Наконец порешили на том, что жизнь везде одинакова и качество ее зависит не от места, а от людей, которые тебя окружают.

– Поликлиника – это просто филиал гестапо, – пожаловался Виктор, к этому времени уже превратившийся в Витю. – Работаешь, как Штирлиц. Шаг влево, шаг вправо – все сразу же становится известно начальству...

– А начальство-то как, ничего?

– Ничего хорошего. Главврач, может, и не очень вредный мужик, но он в дела не вникает. Всем заправляют два зама – по лечебной части и по экспертизе. Одна другой лучше... И проверки каждую неделю.

– А ты говоришь...

– Но зато – зарплата в четыре раза больше и приработок в основном денежный, а не пирожками и домашним самогоном – Витя взглянул на наручные часы и поднялся. – Спасибо тебе, Вова, за гостеприимство, но мне пора. Вот, держи визитку...

Из бокового кармана сумки он достал «визитку» – прямоугольничек обычной бумаги с номером телефона, напечатанным явно на принтере.

– По поводу больничного всегда делай официальный вызов через регистратуру, – предупредил он. – Иначе будут проблемы.

– А сколько я могу... болеть? – уточнил Данилов.

– Месяц – спокойно, – заверил Витя. – Если печень, конечно, выдержит...

Ушел хороший человек – и депрессия сразу же подняла голову. Данилов пошел в комнату, лег на диван и попытался заснуть. Поначалу сна не было, а когда он собрался было прийти, на кухне зазвонил оставленный там мобильный. Конечно, можно было бы и не вставать, но процентов на девяносто девять звонила Елена. Не возьмешь трубку – испугается и примчится с проверкой. Лучше уж ответить. Данилов вздохнул, выругался про себя и потопал на кухню.

– Как ты? – В голосе Елены чувствовалась некоторая напряженность.

– Все нормально, – пробубнил Данилов. – Взял больничный, чтобы слегка прийти в себя. Готовлюсь ко сну.

– Может, мне приехать? – предложила Елена. – К тебе или за тобой?

– Не надо, Лен, – попросил Данилов. – Мне надо побыть одному. Так я, по крайней мере, никого ничем не обижу.

– Да при чем тут это...

– При том. – Данилов слегка повысил голос и почувствовал, как сразу же заломило затылок. – Я не в настроении кого-либо видеть. Даже тебя. Пойми меня правильно и не настаивай.

– Позвоню утром, – сказала Елена и отключилась.

– Утро вечера мудренее, – подтвердил Данилов, выключая телефон.

День прошел, осталось четыре. Если не хватит – можно будет без проблем продлить больничный, но вообще-то хватит. Должно хватить, поскольку иначе не хватит денег на беззаботную депрессивную жизнь. Беззаботную... Врагам бы нашим такую беззаботную жизнь, вот бы уж они взвыли...

Следующий день прошел в каком-то полусне. Проснулся, походил по пустой квартире, вспоминая, как совсем недавно здесь жила мама, постоял на балконе, выпил кофе, потом водки, пожевал полусохший кусок сыра, который вчера забыл убрать в холодильник, хотел было умыться, но передумал. Включил мобильный и позвонил Елене. Сказал в трубку что-то успокаивающее, снова выключил телефон и решил немного поспать... После нескольких чередований сна и бодрствования окончательно запутался во времени, несмотря на исправно работающие часы. Мать любила, чтобы часов в квартире было много, чтобы поднял голову и сразу же увидел, который час.

Неожиданно пришло желание посмотреть старые фотографии, которые все собирался переснять и записать на диск, но так и не собрался. Три тяжелых фотоальбома – семейная хроника – лежали там, где всегда – на нижней полке книжного шкафа, который при въезде в квартиру мать «на время» оставила в

коридоре. Не смогла сразу подыскать ему место, а потом привыкла. Прекрасная иллюстрация быстротечности нашего бытия – шкаф, поставленный «на время», стоит на своем месте, а человека нет...

Данилов уселся на свой диван и раскрыл первый из альбомов. Девочка в светлом, не достигающем до колен платье, на фоне здания с колоннами. На обороте надпись аккуратным почерком – «У дома культуры» и дата. Интересно, кто подписывал фотографию – мать или бабушка? Наверное, все же бабушка, почерк совсем не детский. Теперь уже и не спросишь...

На середине альбома к горлу неожиданно подкатил ком, который немедленно следовало запить. С альбомом в руках Данилов пошел к холодильнику. Открыл дверцу, с удовлетворением отметил, что водки еще много, а растянуть остатки еды на пару дней не составит труда, достал едва начатую бутылку и отхлебнул прямо из горла. Проклятый ком исчез лишь после третьего глотка.

На всякий случай Данилов прихватил бутылку с собой – вдруг еще понадобится. Вернулся на диван, добросовестно долистал альбом до конца и взялся за следующий.

Долго разглядывал себя семимесячного, пытаюсь извлечь из памяти хоть какие-нибудь воспоминания того периода. Конечно же ничего не извлек. Вздохнул, перевернул лист и увидел себя на пляже. Анапа... Первую свою поездку в плацкартном вагоне он смутно помнил... Групповой снимок в детском саду... Первоклассник Вовочка... С матерью на ВВЦ, тогда еще ВДНХ, ежегодные снимки с классом... Имена некоторых одноклассников вспоминались с трудом.

Вот памятный снимок после окончания школы. Владимир Данилов крайний слева во втором ряду. Ясный взгляд, довольная рожа... Еще бы ей не быть довольной – школу закончил! Прощай, детство, здравствуй, здравствуй, новая взрослая жизнь! А что в ней хорошего? Да ничего, кроме водки в холодильнике, да и та когда-нибудь закончится... Кто написал: «Никогда не перечитывайте старых писем»? Мопассан? Классик ошибся – смотреть старые фотографии не менее опасно. Впрочем, в его время фотография как таковая еще только начинала шагать по миру.

На душе было паршиво, а стало совсем неумоготу. Данилов отпил из бутылки раз, отпил другой, но испытанное средство неожиданно дало сбой – он словно

проваливался в бездонную черную яму и уже успел провалиться так глубоко, что не видел никакого просвета над головой.

Не видел он его и впереди. Надо признать, что при ближайшем знакомстве взрослая жизнь оказалась совсем не такой, какой рисовалась по окончании школы. С годами появилась безысходность, исчезло ощущение собственного всемогущества, куда-то подевалось умение радоваться каждому пустяку. Вместо этого пришла головная боль, осознание собственной никчемности, да и много чего еще пришло, только лучше бы не приходило... Даже любовь оказалась всего лишь инстинктом, не более того.

Еще никогда в жизни не ощущал он так остро своего одиночества, своей никчемности, своей ненужности и абсолютной бесперспективности своего существования.

– Дальше будет только хуже, – произнес он вслух, и слова эти были восприняты как команда.

Определился быстро. Прыжок с балкона счел чересчур демонстративным, можно даже сказать – истеричным. Не мужской выход. Однозначно – не мужской.

Взрезать вены на руках (взрезать правильно – вдоль, а не поперек, как режут шантажисты), сидя в ванне с горячей водой? Нет, это чересчур по-декадентски... Он, в конце концов, не поэт Серебряного века. Способ никуда не годится.

Наиболее оптимально конечно же застрелиться. Р-раз – и готов! Можно везти в судебно-медицинский морг. Мысль о морге не пугала, даже наоборот – веселила. Было в ней нечто ухарское, мол, взял, да и явился к вам в новом качестве. Извольте установить причину моей смерти, уточнить, что я ел на завтрак, и рассчитать приблизительное количество выпитой водки по содержанию алкоголя в крови. «Вуаля», – как говорят французы. Или «сильвупле»? Нет, все же «вуаля»... Жаль только, что застрелиться не из чего. Но ничего не поделаешь, не позаботился заблаговременно, так получай! Вернее, не получай, а выкручивайся как знаешь.

Таблетки... Настоящий врачебный способ... Подготовился: рассчитал дозу, так, чтоб уж наверняка, запасся нужным количеством, и... Вот в том-то и дело, что вначале надо запастись, что по нашим временам довольно сложно. Все

препараты, пригодные для ухода из жизни, подлежат строгому учету. Просто так их не купишь, добрый доктор Витя, каким бы добрым он ни был, тебе на них рецепт не выпишет, посадят ведь за такое участие, и в анестезиологии по знакомству ничем не разживешься – сам еще не забыл, как тяжело и дотошно все списывается. Потом, таблетки – дело такое... не совсем надежное. Часть растворится, а часть заляжет комом в желудке, дожидаясь спасительной промывки. Ладно, все равно, кроме веревки, под рукой ничего нет.

Катушка толстой, в палец, капроновой веревки, предназначенной для хозяйственных нужд, хранилась на антресолях, сколько Данилов себя помнил. Подарок кого-то из соседей, явно разжившегося этим добром на работе – в магазинах подобных катушек Данилов никогда не встречал. Впрочем, он и не присматривался.

Отрезав кусок длиной с два метра, Данилов первым делом опробовал его на прочность и остался доволен результатом испытания. Капрон – он и в Африке капрон, и через десять лет все равно капрон. Все сдохнут, а капрон останется как память.

Страх не было. Не было и осознания того, что скоро все закончится, совсем закончится, навсегда. Было желание завершить начатое (а оно уже и впрямь началось) дело и предчувствие скорого избавления от всего ненужного, гнетущего. Словно пришел домой после изматывающей суточной смены, закончившейся выволочкой от начальства, и готовишься ко сну – застилаешь диван, взбиваешь подушку, расправляешь одеяло и предвкушаешь... предвкушаешь... предвкушаешь...

Намыливать или не намыливать? Да зачем – она и так скользкая. Это пеньковую и хлопковую надо намыливать...

Вспомнив, что в момент удушения обычно расслабляются все сфинктеры, Данилов отправился в туалет. Хватит с него и вывалившегося языка, все остальное будет совсем уж неэстетично. Подумал – не побриться ли, но сразу же отказался от этой идеи. В морге побреют, если будет надо.

Вспомнил про дверной засов и отодвинул его, чтобы Елене не пришлось вызывать спасателей. Ей и так хлопот хватит.

Вроде бы все. По народному обычаю полагалось присесть на дорожку. Данилов присел за кухонный стол и как следует подзаправился, правда, по обыкновению последнего времени, больше выпил, чем съел. Когда уже ничего больше не хотелось: ни безвкусной водки, ни еще более безвкусной колбасы, встал из-за стола и пошел «на примерку».

Сделал петлю, накинул ее на шею и дернул за свободный конец. Не рассчитал силу, оттого рывок получился слишком сильным, и шею сразу же начало жечь. Но главная цель испытаний была достигнута – петля, как от нее и требовалось, затягивалась легко. Не подведет, короче говоря. Пора было искать место.

А зачем его искать? Подходящий вариант был всего один – крюк на потолке в коридоре, оставшийся от спортивного уголка Вовки Данилова. Сначала здесь висел канат, по которому Данилов учился взбираться, а после его место заняла боксерская груша. Груши давно уже нет, усердно тренируясь, Данилов изорвал ее в клочья, а крюк – вот он, никуда не делся. Просто лень было выкорчевывать его из потолка и заделывать дыры с последующей побелкой.

При помощи стула и небольшой сноровки веревку удалось закрепить сразу. Прикинул требуемую длину, сделал вторую петлю, поменьше, на противоположном конце, набросил, затянул и слез. Сам не понял, зачем понадобилось слезать, ведь можно уже было накинуть петлю на шею и спрыгнуть? Но вот – слез, наверное для того, чтобы походить по квартире перед тем, как оставить ее навсегда.

Квартира. Мысль о том, что с ней будет, ударила в голову молнией. Кому она достанется? Кому-то из дальних, почти неведомых Данилову родственников или даже оборотистым местным чиновникам, охотящимся на «условно бесхозные» квартиры?

Казалось бы, какое тебе дело до квартиры, если ты собрался покинуть ее навсегда, но... Непорядок. Жилье следует оставить Елене, так будет справедливо. Как ни крути, она заслуживает такого, с позволения сказать, подарка больше остальных. О, бремя имущества, будь оно трижды проклято! Помереть спокойно нельзя.

Выходов было два – немедленное сочетание законным браком или завещание. Не раздумывая, Данилов сделал выбор в пользу второго варианта как наиболее

быстро осуществимого. Всего и дел – проспаться, протрезветь, привести себя в порядок, взять паспорт, выстоять очередь и подписать завещание. Ну, а потом...

– А потом – суп с котом! – сказал вслух Данилов.

Он уже не был уверен в том, что потом доведет прерванное дело до конца. Есть такой принцип – «обломался – пережди».

Минутой позже Данилов уже спал на диване, наполняя своим храпом всю квартиру. Веревку с петлей он оставил висеть на крюке, а стул – стоять под веревкой.

Веревка со стулом и были первым, что увидела вошедшая в квартиру Елена. Потом она увидела пустые бутылки из-под водки на полу, а пройдя дальше, на храп, – нашла спящего Данилова. Сдерживаясь из последних сил, набрала со стационарного телефона (свой мобильный впопыхах забыла в машине) ноль и тройку, дождалась ответа оператора, представилась, попросила соединить ее со старшим врачом, поговорила несколько минут, то и дело закусывая нижнюю губу, и только по окончании разговора позволила себе разрыдаться... Пришлось выбежать в кухню, но не потому, что она боялась разбудить Данилова, а потому, что боялась не совладать с собой и накинуться на спящего с кулаками. Елена и представить не могла, что, в сущности, лишь благодаря ей Данилов сейчас не болтается в петле, а мирно храпит на диване.

«Окончен школьный роман, до дыр зачитанной книжкой...» (Автор текста А. Новиков), – вертелась в голове строка из давно слышанной песни. Как там было дальше, Елена не помнила, да это и несущественно. Главное, что роман окончен. Пусть не школьный, пусть институтский, даже – университетский, но окончен. Разошлись пути-дорожки, и, кажется, теперь уж навсегда...

– Непорядок, – заметил Юра, когда профессор и его свита покинули палату. – Со мной вон сколько возились, а около тебя пять минут постояли.

– Так я же еще даже с лечащим врачом не познакомился, – ответил Данилов. – Что она может обо мне рассказывать?

– Наша ведьма может рассказать все, что захочет, – понизив голос, сказал сосед.

– Ведьма? – удивился Данилов. – Я в ней ничего такого не заметил. Правда, взгляд колючий, это есть.

– Не только взгляд – Юра порывисто соскочил со своей кровати и, сев на край даниловской, зашептал: – Тамара что хочет, то и делает, потому что у нее связь...

Юра многозначительно закатил глаза к потолку и замолчал.

– С космосом? – изумился Данилов.

– Каким, на хрен, космосом! – От возмущения Юра повысил голос. – С главным врачом!

Какая связь может быть у палатного врача с главным врачом, Данилов уточнять не стал. И так ясно, что объединяет их не общая любовь к живописи и не страсть к музыке Вивальди.

– А тебе-то чего? – Данилов первым нарушил молчание. – Или ты ревнуешь?

– Я жить хочу! – заявил Юра, обдавая Данилова запахом нечищенных зубов.

– И что? – Данилов слегка отодвинулся.

– А ничего! Ты про лекарственную мафию слышал что-нибудь?

– Слышал.

– Так вот – настоящая мафия здесь! – убежденно сказал Юра. Глаза его при этом заблестели. – Те спекулянты, которые в аптеках цены вздувают, это простые шестерки. Сявки на подхвате. Главное зло – здесь, и этот толстомордый хряк у них самый главный!

– Профессор, что ли?

– Он самый. Они занимаются испытанием лекарств на людях. Ты знаешь, сколько стоит один подопытный кролик, такой, как мы с тобой? Двести тысяч евро! А нам разве что перепадет? Вот!

Юра продемонстрировал Данилову кукиш.

– Ты вроде только-только поступил, – сказал Данилов. – Откуда такие подробные сведения?

– Мужики рассказали.

– А они откуда узнали?

– Слышали, как медсестры между собой говорили. А ты что, думаешь, я тебе пургу гоню?! – с места в карьер погнал Юра. – Не веришь? Тут были такие, были. Были – да сплыли! С концами!

– Я верю, – поспешил с ответом Данилов, про себя проклиная собственную опрометчивость. Угораздило же ввязаться в дискуссию с сумасшедшим! – Ты успокойся, пожалуйста.

– Я всегда спокоен! – гордо заявил Юра, немного понижая голос. – Ты вот что скажи – жить хочешь?

– Хочу. – Вообще-то ответ «не знаю» был бы самым искренним, но излишняя откровенность могла спровоцировать новую дискуссию, а этого Данилову не хотелось.

– Тогда вот! – Юра протянул правую руку, вцепился пальцами в верхнюю из пуговиц на пижаме Данилова и без труда, легким рывком оторвал ее. – Держи!

Пуговица легла в руку Данилова.

– Зачем ты так? – Данилов начал заводиться.

– Будешь тренироваться, – шепотом пояснил Юра. – Делать вид, что глотаешь, а на самом деле прятать за щеку или под десну. И не халтурь. Знаешь поговорку:

«тяжело в учении – легко в бою»?

– Знаю.

– Только тренируйся здесь, а не в коридоре, – нахмурился Юра. – А лучше всего лежа под одеялом. Здесь даже у стен есть глаза...

– А уши? – машинально вырвалось у Данилова.

– Уши тоже есть. Так что бди и не бзди!

Данилов спрятал пуговицу в карман куртки.

– А спросят: «Где пуговица?» – скажи: «Потерял и не заметил».

Сочтя миссию по спасению Данилова завершенной, Юра вернулся на свою койку.

– Сейчас на обед позовут, – сказал он. – Немного осталось.

– Как тут кормят?

– Хреново, – скривился Юра. – До домашней еды им, конечно, как до неба, но есть можно... Видал я варианты и похуже. Плохо, что вилок не дают. Даже ложки – и то на входе получил, на выходе – сдал. Учет. Ты, кстати, куришь?

– Нет.

– Здесь начнешь, – обнадежил Юра.

Данилов не стал спорить. Закрыв глаза и вспомнил бухгалтера Берлагу из «Двенадцати стульев». Товарищ по несчастью, можно сказать, только вот бухгалтер попал в дурдом добровольно, пытаюсь избежать наказания за свои махинации, а сам он оказался здесь по иронии судьбы. Кого-то эта ирония заносит в другой город, а кого-то в дурдом...

Хотя все логично. Если в голове у тебя – дурдом, хаос, то рано или поздно ты окажешься в настоящем дурдоме. Подобное тянется к подобному.

– В Писании сказано: «Всякий просящий получает, и ищущий обрящет, и стучащему отворят»[2 - Не совсем точная цитата из Библии, Матф. 7:8.], – медленно, с расстановкой, произнес Юра. – Так вот, здесь просящий не получит, ищущий не обрящет и стучащему не отворят. Потому что это – дурдом, земной филиал ада.

Глава четвертая

Напрасные слова, изнанка ложной сути...

– Нам пишут с Потешной...

Заведующий отделением, по своему обыкновению, был не в духе. Письмо – несколько сшитых металлической скрепкой листов бумаги – не дал в руки, а швырнул на стол. На Потешной улице находился Московский НИИ психиатрии. Хорошие вести оттуда обычно не приходили.

Безменцева взяла письмо в руки и пробежалась глазами по первым строчкам. Перевернула лист, другой и дошла до строк:

«Диагноз, установленный Тюрину Е. И. в психиатрической клинической больнице № 21 г. Москвы: «Расстройство личности и поведения вследствие дисфункции головного мозга», не соответствует действительности и является несостоятельным по следующим основаниям:

1) При выставлении диагноза «расстройство личности» не были определены и описаны типы этих расстройств, без чего совершенно невозможно квалифицировать состояние больного.

2) Одновременно не были определены характер и причина возникновения якобы наличествующей у Тюрина дисфункции головного мозга, не описывались

соответствующие ей личностные изменения.

3) Согласно принятому в настоящее время представлению о расстройствах личности они обычно проявляются еще в детском или подростковом возрасте, однако в анамнезе у гр. Тюрин Е. И. никаких указаний на отклонения в поведении не отмечено...»

Дальше читать не было необходимости, поэтому Безменцева вернула письмо заведующему, не отказав себе в удовольствии точно так же швырнуть его на стол. Только не с раздражением, а с пренебрежением. И еще демонстративно вытерла руку о свой белоснежный халат.

«Стерва!» – подумал Лычкин, заранее зная, что он сейчас услышит.

– Мое дело маленькое, Геннадий Анатольевич, – проворковала Безменцева. – Оттого и пай мой самый маленький. Крошечки с барского стола подбираю, но зато и спроса с меня никакого. Ошибусь – так заведующий поправить должен. Ну а если уж и кафедра была согласна с диагнозом...

Она присела, точнее, оперлась своими соблазнительными округлыми выпуклостями о край письменного стола, скрестила руки на груди и снисходительно посмотрела на заведующего.

– Тамара Александровна, – прошипел тот, – разве вы забыли, что этот старый хрыч был вашим протеже и кроме своей законной доли вы получили и положенные десять процентов? Неужели нельзя было получше разобраться в ситуации? Или хотя бы не заверять меня, что всех родственников – одна племянница? Откуда же поналезли все остальные претенденты на квартиру?

– Можно подумать, я своего родного деда госпитализировала! – фыркнула Безменцева и демонстративно отвернулась.

– Но подписывалась ты за него как за родного! И уверяла, что все чисто-гладко, просто деда надо подвести под оформление над ним опеки. А сама даже историю болезни толком не оформила.

– Так что же вы со Снежковым там подписывались?

«Эх, вставил бы я тебе по первое число, сучка драная, если бы не главный...» Созерцание зада Безменцевой вызвало у заведующего прилив желания, отчего он разозлился еще больше, теперь уже и на себя самого.

– Да вот так, Тамара, представь себе, не привыкли мы проверять за опытными докторами, как за сопливыми ординаторами! – воскликнул он, переходя на менее официальный стиль общения. – Доверяем коллегам!

– И правильно делаете. – Безменцева повернула голову и посмотрела прямо в глаза начальнику. – Потому что знаете – я все делаю правильно.

– И сейчас тоже? – Втайне радуясь удобной возможности отвести взгляд, заведующий указал глазами на злополучное письмо.

– И сейчас тоже, – подтвердила Безменцева. – Скажи-ка, Гена, кем лучше выглядеть – обычным дураком, каких в медицине, как и везде, пруд пруди, или заведомым мошенником? Дураком лучше, правда? Обвинят в халатности, в поспешности, в верхоглядстве, но не в фальсификации диагноза. Это же разные, совсем разные вещи. Ты согласен? В противном случае всем нам пришлось бы общаться со следователем, а так погрозят пальчиком да и забудут.

Она взяла со стола письмо, открыла его на последнем листе и прочитала:

– «Тюрин Е. И. психическим расстройством не страдает. Выставленный диагноз «Расстройство личности и поведения вследствие дисфункции головного мозга» является необоснованным, не соответствующим действительности, а также принятой в настоящее время классификации болезней». Даже выговора не дадут, а если и дадут – переживем как-нибудь.

Заведующий молчал. Возразить было нечего – Безменцева была права, права по всем статьям.

Тамара Александровна легко оттолкнулась от стола и, вульгарно виляя задом («чувствует, тварь, что так и хочется завалить ее прямо в кабинете»), пошла к двери.

– Деньги ведь возвращать придется... – сказал ей в спину Лычкин.

– Только половину, не больше, – обернулась Безменцева. – Я договорюсь с племянницей. Ведь мы же старались, работали, время на деда тратили...

Можно было и ничего не возвращать, но подобное поведение чревато неприятностями. Деньги взял, а дела не сделал – скользкая ситуация.

Безменцева хотела еще что-то добавить, но вспомнила, что у нее еще не описан новый больной, и поспешила в шестую палату...

Данилов вернулся с обеда несолоно хлебавши. Дошел по коридору, вдоль которого цепью тянулись койки (Данилов знал, что сюда кладут тех, за кем надо присматривать, ведь индивидуальных постов на всех не напасешься: каждый пост – это один живой представитель среднего медицинского персонала), до столовой, получил от толстой тетки в грязноватом халате ложку и тарелку, встал в очередь за супом. Посмотрел на мутную коричневатую жижу, которую налили стоящему впереди парнишке, и перешел в очередь за вторым блюдом.

На новенького никто не обращал внимания. Персонал занимался своим делом – раздавал еду и контролировал процесс ее поглощения, а больные сосредоточенно ели. Данилов отметил, что практически все пациенты, кроме одного улыбчивого мужика (явного олигофрена, если судить по виду), очень сосредоточены на чем-то своем. Даже смотрят не вперед, а словно внутрь, в себя. Оно и лучше – никто с разговорами не пристаёт, как Юра.

Сосед был здесь же – сидел за одним из двух длинных столов и усердно наворачивал суп, в который накрошил целый Эверест черного хлеба. По сторонам не смотрел – пялился на ложку, не иначе как боялся пронести ее мимо рта.

Второе впечатлило еще меньше первого. По правде говоря, картофельное пюре с двумя мясными (а на самом деле, скорее всего – псевдомясными) биточками выглядело не так уж и плохо, но Данилов его не захотел. Выпил стоя стакан теплого чая, сдал той же тетке чистыми тарелку и ложку и вышел в коридор.

Почитал «наглядную информацию» – «Перечень предметов, запрещенных для передачи больным» (мобильные телефоны, ложки, ножи, вилки, бритвенные лезвия, пилки для ногтей, иглы и всякие другие металлические предметы) и

«Правила передачи передач», да-да, именно так. Передачи нельзя было передавать в стеклянной посуде и в термосах. Также запрет касался скоропортящихся продуктов, консервов (в любой таре), сушек (чем им сушки не угодили, они же не портятся?), чая, кофе, какао и «несваренных круп». «Наглядную информацию» защищали помутневшие от времени листы оргалита, прикрепленные к стене шурупами с расточенными шляпками – не вывинтить. Психиатрия.

Дверь, ведущая из отделения наружу, тоже была «психиатрической» – с откидным окошком, запертым на большой шпингалет, и дополнительным замком, отпираемым универсальным четырехгранным металлическим «ключом-ручкой». Подобные замки можно увидеть в поездах. У всего персонала есть ключ от всех дверей, а у больных его нет. На ночь отделение запирается и на обычный замок, ключ от которого хранится у постовой медсестры.

Пост в отделении находился за деревянной загородкой и оттого немного напомнил Данилову барную стойку. Сидевшая на посту медсестра скользнула по Данилову взглядом и продолжила свое дело – проверку листов назначений. Данилов пошел дальше. Он помнил, что дверь его палаты находится напротив процедурного кабинета, но номера ее не знал и оттого удивился про себя прикольному совпадению – на двери красовалась трафаретная цифра «6», нанесенная коричневой краской. Совсем как у Чехова, только сосед не такой колоритный, как чеховские герои. Впрочем, может, еще проявит себя...

Вид из окна палаты сквозь внутреннюю, запертую на висячий замок железную решетку не порадовал – кусок бетонной ограды, угол соседнего корпуса, одноэтажное кирпичное здание (морг, что ли?), к которому сбоку прилепилась помойка – десять металлических контейнеров в два нестройных ряда. Помойка сулила много шума по утрам, или когда там у них принято заменять полные контейнеры пустыми?

Постояв с минуту у окна, Данилов улегся на свое место поверх одеяла. «Надо будет попросить у Елены детективов, – подумал он. – Или записаться в больничную библиотеку. Здесь же должна быть библиотека. Впрочем, ходить туда будет можно лишь тогда, когда разрешат прогулки... Так что придется обратиться к Елене. А то тут от скуки с ума сойдешь. Хотя нет, с таким соседом, как Юра, не заскучаешь. К сожалению...»

Подумал о том, как бы на пустующие койки не положили кого похуже Юры, и за неимением дерева под рукой (тянуться до подоконника не хотелось) костяшками пальцев несильно постучал себя по голове, немного удивившись неожиданной чистоте звука.

В этот момент дверь открылась – пришел Юра.

– Что-то я тебя на обеде не видел, – сказал он, забираясь под одеяло.

– Да я только чаю выпил и ушел, – ответил Данилов. – Аппетита нет.

– Появится, – обнадежил Юра и заворочался, поудобнее устраивая голову на подушке.

Едва он затих, как дверь снова открылась и женский голос позвал:

– Спиридонов!

– Я-а! – не сразу откликнулся Юра.

– Выходи, сколько тебя ждать!

Поминая чью-то мать, Юра поднялся и вышел – не то на процедуры, не то на обследование. Данилов недолго скучал в одиночестве – минут через пять к нему пришла врач.

– Если вы еще не знаете, то меня зовут Тамара Александровна, – проинформировала она. – Я буду вами заниматься.

Села на Юрину койку, закинула ногу на ногу и занялась Даниловым.

Данилову палатный врач не понравилась, что называется, с первого взгляда. Если во время профессорского обхода она держалась нейтрально-отстраненно, то сейчас, при беседе с глазу на глаз, ее манера общения стала снисходительно-покровительственной.

В анамнезе Тамара Александровна копаться не стала (хоть на том спасибо – повторения ночного «допроса» Данилов не выдержал бы). Осмотром тоже пренебрегла – хватило того, что при профессоре измерила давление и прослушала легкие. Чуть медленнее, чем во время недавнего обхода, пролистала историю болезни, осведомилась насчет непереносимости препаратов и заявила:

– Ну, что же, Владимир... Александрович, начнем вас лечить. Человек вы молодой, трудоспособного возраста, поэтому к лечению, я надеюсь, отнесетесь ответственно. Здоровье – это ведь как бизнес, сколько в него вложишь, столько и отдачи получишь.

Намек «неплохо было бы и раскошелиться» был прозрачен до невозможности, но Данилов предпочел пропустить его мимо ушей.

– А на сколько вы планируете задержать меня здесь? – спросил он.

– Ну вы же доктор... – укоризненно протянула Безменцева, склонив голову набок и окидывая Данилова оценивающим взглядом, словно прикидывая, сколько с него можно получить и чего от него стоит ожидать, – должны понимать, что такие вопросы с кондачка не решаются... Существуют сроки. Попытка суицида – это ведь не насморк.

– Да не было, если разобраться, никакой попытки! – возразил Данилов. – Была депрессия, но я имел на нее право...

– Я понимаю. – Безменцева встала, давая понять, что разговор окончен. – Осваивайтесь, я назначу вам лечение. Не забывайте, что у нас режим. Нельзя выходить из отделения, первую неделю нет свиданий, а дальше – посмотрим, мобильные телефоны, острые предметы... да что я вам объясняю, вы же год ходили на кафедру психиатрии.

– А как можно позвонить домой?

– Ну-у... – протянула Безменцева. – Можете попросить вечером постовую сестру. Я предупрежу, чтобы вам разрешили. Только недолго, ладно?

– Договорились.

– Прекрасно.

Безменцева ушла.

«Влип так влип», – подумал Данилов.

Главное – не «возникать» и не суетиться. Иначе добрые доктора сразу же прилепят еще один диагноз или «утяжелят» существующий. Это – дурдом, а не обычная больница, где можно «качать права», лежа в отделении. Здесь все иначе, для того чтобы «качание прав» не обернулось лишними и совершенно ненужными проблемами, надо сначала выйти отсюда. Причем выйти по-хорошему, не сбежать, а именно выписаться.

Сбежать из психиатрической клиники не так уж и трудно, особенно для человека, способного планировать и рассчитывать, а кроме того, хотя бы в общих чертах представляющего структуру клиники. Если разжиться белым халатом и «форменной» обувью – традиционными белыми сабо из искусственной кожи, столь (и как утверждают злые языки – не без выгоды) любимыми департаментом здравоохранения, то все кордоны можно миновать совершенно беспрепятственно, «закосив» под нового сотрудника, хотя бы консультанта-совместителя.

Но тогда вдогонку из клиники немедленно полетит сообщение в психоневрологический диспансер по месту жительства. Факт побега из отделения всегда трактуется как косвенное подтверждение психиатрического диагноза (можно подумать, что нормальные люди со здоровой психикой смогут здесь долго находиться, не предпринимая попыток убежать!). Значит, будут проблемы. Допуска к работе с наркотиками Госнарकोконтроль уже не даст, а это значит... Хотя патологоанатомам этот допуск и на хрен не нужен – они с наркотиками дела не имеют. Но права уже можно не получить... да и вообще – жизнь с подобным ярлыком не очень-то приятна. Но опять же – с какой стороны посмотреть. Некоторых психиатрический диагноз здорово выручает, спасая от тюрьмы. Что теперь – заняться криминалом? Нет, лучше полежать, дать возможность коллегам спокойно во всем разобраться и уйти с диагнозом невроза или чего-то в этом роде. Заодно и нервы немного привести в порядок, а то да – расшатались они.

Данилов вспомнил, как деловито он готовил себе петлю, и вздрогнул. Нет, решено – с алкоголем покончено раз и навсегда. Без всяких оговорок и исключений, типа «пивка по пятницам» и рюмочки за ужином. Зеленому змию только дай поблажку – он в любую щель влезет. Отныне самый крепкий напиток, который можно себе позволить, – это кефир. Нервы он, конечно, не успокаивает, но надо смотреть в корень проблемы, устранять причину. А причина где? В голове. Вот и надо разобраться с дурдомом, царящим в мозгах, тогда и из настоящего выпишут без последствий.

А что – время есть, успокаивающих дадут, если что, и сеансы гипноза могут назначить... отсыпайся, приходи в себя, входи в норму. Это даже хорошо, что отделение режимное – большая отгороженность от мира способствует концентрации на внутренних проблемах, недаром же люди в монастырь уходят.

В палату вернулся недовольный Юра.

– Какого-то хрена на рентген погнали, – пожаловался он.

– Легкие не в порядке? – спросил Данилов, проявляя свою въедливую докторскую сущность.

– Не, голову смотрели. – Юра плюхнулся на свою койку. – Все равно опасно, правда?

– В смысле? – Данилов не знал, чем может быть опасна рентгенография черепа. Разумеется, если она проведена по правилам. – Боишься, на потенцию повлияет?

– На мою потенцию ничего не влияет, – с явной гордостью признался Юра, – даже приезд тещи. Я другого опасаюсь – вдруг они зомбируют рентгеном.

– Ты чего?! – От удивления Данилов даже приподнялся, опершись на локоть.

– Ничего! – в тон ему ответил Юра. – Ты что, телевизор не смотришь?

– Нет, – честно признался Данилов. – Телевизор для меня – приложение к DVD-проигрывателю.

– Надо смотреть, – назидательно заметил Юра. – Надо быть в курсе. Мозг – это что? Это импульсы. А импульсы чем управляются? Волнами! А что такое рентген? Это лучи!

Данилов вспомнил про Юрину каску, выложенную изнутри фольгой, о которой говорили врачи на обходе, и поспешил сменить тему.

– У тебя ничего почитать нет? – спросил он.

– Тоска заела? – понимающе улыбнулся Юра и с видом бывалого человека (вот что делает разница в несколько часов при поступлении) посоветовал: – Попроси у девок на посту. Там много книжек. Только бери те, что в мягкой обложке.

– Почему?

– Потому что в твердый переплет много чего вделать можно, – усмехнулся Юра. – Хотя бы – микрофон.

– Так его и в стену можно вделать, – возразил Данилов.

– Можно и в стену, – согласился Юра. – Но в переплет – удобнее всего. К нему тогда батарейки не нужны – ты книгу в руках держишь, и микрофон от тепла рук заряжается. Вечная вещь!

– Учту на будущее, – пообещал Данилов.

– Учти, – разрешил Юра.

Внимательно посмотрел на Данилова, словно прикидывая, стоит задавать вопрос или не стоит, и, решившись, спросил:

– А ты вправду повеситься хотел или просто жену пугал?

– Не знаю, – уклонился от прямого ответа Данилов, подумав о том, что психиатрический анамнез не следует зачитывать во всеуслышание во время обхода, лучше, наверное, делать это хотя бы в ординаторской. – Но не пугал уж точно. Кто ж так пугает?

– Самый верный способ, – возразил Юра. – Действует лучше развода!

– Почему?

– Да потому что развод оставляет бабе шанс, надежду, что ты передумаешь и снова к ней вернешься. А тут уж – навсегда. Повтора не будет. Я своей как-то раз сказал, мол, будешь дальше мозг сверлить – с балкона прыгну. Она сразу заткнулась, живем-то мы на девятом этаже...

– И надолго? – скептически поинтересовался Данилов.

– Что – надолго?

– Заткнулась надолго?

– Неделю держалась. – Юра снова улыбнулся. – Рекорд, можно сказать. А ты что – и вправду доктор?

– Да.

– По каким делам?

– По мертвым. Я патологоанатом.

Данилову было очень интересно, как сосед отреагирует на его слова, но Юра никак не отреагировал. Только поинтересовался:

– Платят хорошо?

– Нормально.

– Ну и ладно. За деньги можно и с покойниками повозиться. Слушай, а у тебя там, на работе, никто не оживал?

– Нет, – рассмеялся Данилов. – Воскресших мертвецов я не видел.

– А бывает, – покачал головой Юра, но дальше углубляться не стал. – Ладно, давай спать. Знаешь, как говорят: «Почему бык гладок?»

– Поел – и на бок, – ответил Данилов, закрывая глаза.

Уснул он сразу, видимо мозгам, утомленным переизбытком столь разнообразной и неожиданной информации, требовался отдых для того, чтобы расставить все впечатления по полочкам.

Разбудила Данилова медсестра, разносившая вечернюю порцию таблеток. Вообще-то во всех без исключения медицинских учреждениях полагается, чтобы пациенты принимали назначенные им таблетки и капсулы в присутствии среднего медицинского персонала. Но обычно это правило не соблюдается. Более того – в целях экономии времени и сил медсестры «оптимизируют» свою работу, раздавая утром сразу три порции лекарств – на весь день. Заведующие отделениями и старшие сестры смотрят на это сквозь пальцы, ведь медсестрам в стационаре дел хватает.

Другая ситуация в психиатрических стационарах. Здесь таблетки с капсулами не только разносятся столько раз, сколько положено, но и принимать их надо в присутствии персонала. А то кто-то выбросит, а кто-то начнет копить, чтобы потом съесть целую горсть. Хорошо, если для того, чтобы словить кайф, а если для того, чтобы свести счеты с жизнью?

Данилову достались две таблетки – беленькая и желтенькая, чуть покрупнее.

– Что это? – поинтересовался он.

– Спросите у доктора, – ответила медсестра. – Нам запрещено отвечать на подобные вопросы.

Данилов хотел процитировать ей соответствующий абзац из законов, но память подвела, не подсказала нужные слова. Поэтому он взял кулечек с таблетками, вытряхнул их в ладонь и проглотил не запивая.

Медсестра ушла. После ее ухода Юра, явно решивший, что Данилов искусно провел медсестру, показал ему кулак с оттопыренным большим пальцем,

молодец, мол, так держать...

Неприятная докторша не обманула – предупредила медсестру, и та разрешила Данилову, подошедшему к ней в десятом часу вечера, позвонить домой. Не из ординаторской, которая, по примеру многих психиатрических клиник, была отделена от палат той самой дверью с откидным окошком, а прямо с поста.

– Быстро и тихо! – строго предупредила медсестра. – И только на городские телефоны!

Многие из больных, лежавших в коридоре, уже спали.

Елена взяла трубку сразу же после первого звонка.

– Это я, – в ответ на ее тревожно-отрывистое «Да?» сказал Данилов.

– Как ты? – Голос у Елены был усталым.

– Нормально.

– Я завтра подъеду днем, ты в каком отделении?

– Я в каком отделении? – спросил Данилов у медсестры, читавшей книгу.

Та, не отрываясь от своего занятия, показала два пальца.

– Во втором, шестая палата... – сказал Данилов в трубку.

– Врач Безменцева Тамара Александровна, – так же, не прекращая чтения, подсказала медсестра.

Данилов повторил все для Елены.

– Что тебе привезти? – спросила она.

– Трусы-носки, детективы, пожалуй, все. Да, вот еще – привези, пожалуйста, пряников, только не мятных.

– Только пряников? – удивилась Елена.

– Ну, пару-тройку яблок, – надумал Данилов, – и больше ничего. Тут нормально кормят.

За ужином он съел творожную запеканку и, надо признать, сильно разочарован не был. Впрочем, творог испортить трудно.

– А соки? – предложила Елена.

– Я тебя умоляю! – отказался Данилов. – Зачем таскать такую тяжесть?! Вы-то там как?

– Нормально.

– Тогда пока.

Данилов положил трубку и поблагодарил:

– Спасибо.

– Пожалуйста. – На этот раз медсестра соизволила оторвать взгляд от книги. – У вас сегодня кровь с мочой не брали?

– Не брали.

– Тогда утром возьмем. – Медсестра сделала пометку в раскрытой тетради, лежащей ее на столе. – Идите спать.

– А баночку для мочи? – напомнил Данилов.

– Утром дадим. У нас заранее ничего не выдается. Мало ли что можно с баночкой сделать.

– Так и на простыне можно повеситься, – пошутил Данилов.

– Вы поосторожней со словами, – посоветовала медсестра. – А то мигом в коридор переедете, под пригляд.

– Больше не буду, – заверил Данилов. – Спасибо, что предупредили.

– Это – психиатрическая клиника, – веско, со значением, сказала медсестра и снова уткнулась в книгу.

На лежащих в коридоре пациентов она, как заметил Данилов, особого внимания не обращала.

«Психиатрическая клиника – это когда на занятия приходишь, а когда лежишь, то это дурдом, – подумал Данилов, шагая по коридору. – Хотя если разобраться, то слова ничего не меняют. Слова, слова, напрасные слова, изнанка ложной сути... нет, кажется там, в романсе, было другое слово... обертка ложной сути... нет, опять не то...»

Истертые подошвы больничных тапок отчаянно скользили по не менее истертому линолеуму. Или это принятые таблетки так повлияли на координацию движений?

Уже в постели он наконец вспомнил нужное слово («виньетка, конечно же виньетка») и почувствовал, как с плеч свалилась невидимая гора. Как же мало иногда нужно человеку для счастья. Ну, если не для счастья, то хотя бы для радости...

Глава пятая

Шизофрения – это расщепление разума

Чем, собственно говоря, параноик отличается от обычных людей?

Избыточной подозрительностью и неверной оценкой ситуации. Галлюцинаций у параноиков не бывает. Им хватает надуманных подозрений в том, что вокруг – одни враги или почти одни враги.

Сомнения, недоверие, подозрительность, злопамятность, болезненная ранимость, агрессивность – вот основные черты параноика.

Провидение решило, что одного Юры Данилову не хватит для полного счастья, и в шестую палату положили Михаила Вениаминовича, школьного завуча и по совместительству преподавателя математики. За сорок лет своей жизни Михаил Вениаминович впервые оказался в психиатрической больнице и радости по этому поводу не выказывал. Наоборот, всячески пытался убедить как лечащего врача, так и соседей по палате в своей абсолютной, совершенной, безукоризненной нормальности.

Разумеется, Михаил Вениаминович был непризнанным гением.

– Я работаю в школе, чтобы иметь свободное время для решения одной проблемы, – сообщил он при знакомстве. – Очень важной проблемы, не мирового, а, можно сказать, вселенского масштаба!

Данилов мудро не стал ничего уточнять, а менее сведущий в психиатрии Юра спросил:

– А что за проблема?

– Это не для средних умов, – отрезал Михаил Вениаминович.

Юра не обиделся – он признавал свою необразованность.

Жилось Михаилу Вениаминовичу нелегко. Дома его пыталась извести жена, коварная, жестокая и весьма развратная женщина, имевшая чуть ли не дюжину молодых любовников.

– Она не хочет разменивать квартиру, вот и пытается меня отравить. Причем травит с умом, постепенно, чтобы было похоже на болезнь. Но я не дурак – дома я давно уже ничего не ем и не пью. Кроме воды из-под крана, которую она

отравить не может. И то на всякий случай сначала спущу воду минут пять, а потом уже пью. Завтракать и обедать приходится на работе, а без ужина я легко обхожусь, привык.

На работе у несчастного Михаила Вениаминовича были другие сложности. Директор школы, недавно достигший пенсионного возраста, видел в Михаиле Вениаминовиче опасного претендента на свое место.

– Этот старый козел не понимает, что мне его кресло – тьфу! – горячился Михаил Вениаминович. – Да я скоро стану президентом Академии наук, если не выше... Только идиот может подумать, что я мечу на место директора какой-то богом забытой школы в спальном районе!

Увы, директор школы был идиотом. Желая опорочить и нейтрализовать Михаила Вениаминовича, он подсылал к нему целые стаи соблазнительниц из числа школьниц. Директорский план был прост, как все гениальное: упечь Михаила Вениаминовича за решетку по обвинению в растлении малолетних.

– Представляете, той, кому удастся меня соблазнить, этот мерзавец пообещал золотую медаль!

– Прямо так и пообещал? – не поверил Юра.

– Был педсовет, на которое меня не пригласили. Сделали вид, что забыли пригласить. Так вот, на нем директор объявил, что ученица, которая меня соблазнит, получит золотую медаль, а педагог, который снимет все это на камеру, займет мое место!

– Вот тварь! – пригорюнился Юра. – Досидел на своем месте до пенсии, так уйди, уступи по-хорошему...

– Дождешься от него, – хмыкнул Михаил Вениаминович. – Он всех купил снизу доверху!

Так оно, скорее всего, и было, поскольку жалобы Михаила Вениаминовича на творившийся произвол не привели к восстановлению справедливости. Напротив, честный человек угодил в дурдом.

– Но они рано радуются! – потрясал в воздухе кулаками Михаил Вениаминович. – Я им покажу, где раки зимуют!

– Такое спускать нельзя, – поддержал Юра. – Надо жаловаться!

– Это я умею, – заверил Михаил Вениаминович. – Будет и на моей улице праздник! Да и местным карателям достанется! Сейчас не старые времена!

«Местные каратели» в лице доктора Безменцевой на угрозы Михаила Вениаминовича реагировали с оскорбительным флегматичным безразличием. Не волнуйтесь, уважаемый, вот полечим вас и отпустим на все четыре стороны. Но отпустим только тогда, когда сочтем нужным. Так-то вот, и никак иначе.

На следующий день Михаил Вениаминович уже полностью освоился в отделении и превратился в Мишу для Данилова и в Миху для Юры. Он успел поскандальить в столовой, объясняя буфетнице, каким должен быть правильно заваренный чай, и оттого ходил по отделению гоголем.

Данилов заметил, что среди больных, лежащих в отделении, не принято много общаться друг с другом. Каждый сам по себе, ну, в самом широком смысле общение могло ограничиваться палатой, не более того. Юра и Миша на фоне прочих собратьев по несчастью казались ему самыми «живыми», что ли. Или поначалу все такие яркие, а по мере увеличения срока пребывания тускнеют и замыкаются в себе?

Данилов вспомнил, как однажды Полянский, искренне считавший психиатрию лженаукой, а психиатров – шарлатанами, высказался по поводу «психиатрической методики»:

– Все это делается так – берется какой-нибудь бедолага, не имеющий никаких психических расстройств, и по совокупности притянутых за уши симптомов объявляется психически больным. Он госпитализируется, последовательно проходит все этапы так называемого лечения и в том случае, если он не свихнется на самом деле, по завершении этого самого лечения признается выздоровевшим. Но не полностью, клеймо хроника-психа остается на нем навечно.

– А если человек действительно болен психически? – спросил Данилов. – Что тогда?

– Тогда все гораздо сложнее. Если в руки к этим шарлатанам попадает пациент с реальными психическими проблемами, то они, не заморачиваясь, ставят ему первый пришедший на ум (разумеется, на их ум) психиатрический диагноз и начинают грузить его нейрорептиками и транквилизаторами. И пьет он их всю оставшуюся жизнь, заглушая свою симптоматику. Типа – лечится и даже выздоравливает, то есть слегка компенсируется. Ты обрати внимание на то, насколько психиатры не любят снимать или менять однажды поставленные диагнозы. Даже если этот высосанный из пальца диагноз идет вразрез с объективными данными, они все равно с завидным упрямством будут стоять на своем. Сдохнут, но неправоту свою не признают! Да и какая там может быть правота – вся эта, с позволения сказать, «наука» высосана из пальца. Мне еще во время практических занятий смешно было наблюдать их вечную полемику по поводу диагнозов. Какая, к собачьей матери, разница, чем именно по их классификации болен пациент, если лечение всегда одно и то же – аминазин с галоперидолом? Ну, еще трифтазин и сонапакс. О чем тут вообще можно разговаривать – я не понимаю! Искренне недоумеваю – как вообще можно работать психиатром? Это же чистейшей воды шаманство!

Данилов тогда, помнится, посмеивался над горячностью друга. У него и в мыслях не было, что когда-нибудь, причем довольно скоро, он, Владимир Данилов, совершенно нормальный человек с совершенно нормальной наследственностью, ведущий совершенно нормальный образ жизни, вдруг ни с того ни с сего окажется пациентом психиатрической клиники. Поистине – от тюрьмы, от сумы да от дурдома не зарекайся!

С психиатрией у Полянского и его семьи были личные счеты. Когда-то, еще при социализме, в психушке долго, несколько лет, продержали двоюродного брата его матери, выступавшего с критикой социалистического строя. Существовал в ту пору восхитительный и совершенно универсальный диагноз «вялотекущая шизофрения», который можно было спокойно «прилепить» каждому и любому. В современной международной классификации болезней такой диагноз отсутствует, но в России его кое-где больному еще могут поставить. По старой, так сказать, памяти.

Четвертым соседом по палате стал Славик, тридцатилетний «бомбила», имевший за плечами два «срока» стационарного лечения, но в других

больницах.

Славика уже лет пять преследовали соседи по дому, которым приглянулась его однокомнатная квартира. Соседи обложили свою жертву со всех сторон – наставили по квартире скрытых камер, рассовали подслушивающие устройства и даже подключили к вентиляции трубы, по которым время от времени подавали усыпляющий газ.

– Я засну, а они приходят, отпирают дверь своими ключами и начинают обыскивать квартиру... – От пережитых волнений Славик начисто облысел и выглядел лет на двадцать старше. – Заглядывают повсюду, даже пол вскрывают...

– Зачем? – спросил Данилов.

Палата коротала время в ожидании ежедневного обхода.

– Как зачем? – Славик оглянулся на дверь, словно соседи могли прятаться за ней. – Ищут завещание. Ведь я могу составить завещание? Могу! И тогда квартира уплывет из их рук. А они этого допустить не могут, потому что тогда все придется начинать заново...

Злоумышленники терроризировали Славика не только дома, но и во время работы – подсаживались к нему под видом пассажиров и начинали запугивать.

– Один такой тормознул меня на Варшавке и говорит: «На улицу Вишневого за тысячу доедем?» Я согласился. Сначала все было нормально, ехали, о бабах разговаривали. А потом, когда на светофоре встали, он говорит: «Вон в той башне дед жил на первом этаже, так его за квартиру зарезали. Очень опасно сейчас квартиру в Москве иметь. Лучше уж дом в деревне». Пришлось его там же и высадить. Не люблю, когда мне угрожают... А другой сел на Павелецкой площади, все продумано, как будто только в Москву приехал, даже сумку спортивную газетами набил, и спрашивает: «Не сдает ли кто из знакомых однокомнатную квартиру на длительный срок?» А у самого на лбу написано, что он агент!

– Чей? – спросил Данилов и наткнулся на осуждающе-недоуменные взгляды всех троих соседей.

«Разве непонятно, чей он агент? – читалось во взглядах. – Конечно же соседский!»

– Тебе жениться надо. – Юра поспешил сгладить хорошим советом неловкость, вызванную дурацким вопросом Данилова. – Вдвоем легче.

– Жениться трудно, – вздохнул Славик. – Надо быть точно уверенным в человеке, на все сто, а как ей в душу заглянуть? Ведь они могут подставить мне какую-нибудь приезжую проститутку, я на ней женюсь, а она меня в первую же ночь отправит на тот свет и останется при квартире! Если они захотят – они это сделают!

Славик рассказал, что в последнее время он, устав от психологического давления, почти не выходил из дома, разве что в ближайший продуктовый магазин.

– Проел почти всю заначку, но все без толку – когда им было надо, они пускали газ, и я тут же засыпал... Представляете, когда они поняли, что по-хорошему я не съеду, они заминировали мне унитаз! Я захожу утром, а крышка на бачке лежит не так, как обычно. Ну, думаю, все ясно – только тронь, и взорвется! Так я больше в туалет и не заходил, на балконе все дела делал...

– Шизофрения – это расщепление разума, – ни с того ни с сего сказал Миша.

– Это у тебя шизофрения! – огрызнулся Славик. – А у меня крупные проблемы.

Миша не стал спорить.

Скорее всего, именно превращение балкона в туалет и послужило поводом для госпитализации, на которую уставший от длительной борьбы Славик согласился с радостью.

– Во-первых, сюда они не сунутся, – объяснял он, продолжая тем не менее то и дело оглядываться на дверь. – Во-вторых, пока я здесь – у меня алиби.

– Какое? – спросил Юра.

– Настоящее, – коротко ответил Славик и поджал губы, давая понять, что комментариев не будет, но не выдержал и продолжил: – Я вот хочу попросить доктора, чтобы на ночь меня в смирительную рубашку одевали...

– Зачем? – хором спросили все трое слушателей.

– Чтобы я во сне не подписал бы им никакой бумаги. А то вдруг...

– Смирительных рубашек сейчас уже нет, – сказал Данилов.

– Да ну! – не поверил Юра.

– Есть, я в кино видел, – возразил Славик.

– А что вместо них? – спросил практичный Миша.

– Веревки? – предположил Юра.

– А вместо них широкие матерчатые ремни, которыми привязывают к кровати, – ответил Данилов.

– Это правильно, – одобрил Юра, – следов не останется.

От смирительных рубашек отечественная психиатрия давно уже отказалась из соображений гуманности. Однако Данилов мог допустить, что где-то смирительные рубашки остались. Негласно, тайно. Ведь людям всегда так тяжело расставаться с чем-то привычным, особенно если это привычное существенно облегчает работу.

– Вовка знает, он сам врачом работал, – прокомментировал Юра.

– И работаю, – поправил Данилов.

Соседи по палате немного его раздражали, но он понимал, что судьба послала ему не самый плохой вариант и что без них было бы скучно – невозможно весь день читать детективы. Развлечения ради поставил Славику диагноз

параноидной формы шизофрении и, когда до их палаты добрались заведующий отделением и Безменцева, ухитрился подглядеть диагноз на титульном листе Славиковой истории болезни. Так и есть – «Шизофрения, параноидная форма».

Проявленный Даниловым интерес не укрылся от внимания заведующего отделением.

– А этот твой доктор-суицидальщик, как его... – сказал он Безменцевой уже в ординаторской.

– Данилов.

– Да, Данилов. Он, я смотрю, из любопытных. Ты с ним поосторожнее.

– Есть вариант, что он повесится у нас? – усомнилась Безменцева. – Навряд ли...

– Есть вариант, что он будет совать свой нос куда не надо, – нахмурился заведующий. – Дай-ка его историю...

Минутой позже история Данилова вернулась к лечащему врачу.

– Зипрексы с пиразидолом ему явно недостаточно. – Заведующий закатил глаза к потолку и в задумчивости пожевал губами.

– Может, для начала дозу увеличить? – предложила Безменцева.

– Давай, – «благословил» начальник. – А там посмотрим. Не люблю я врачей, а в пациентах – особенно.

– Все Девяткина забыть не можете? – усмехнулась Безменцева, открывая историю болезни Данилова сзади, там, где был вклеен лист назначений.

– Его забудешь... – буркнул Лычкин и вышел из ординаторской.

Доктор Девяткин, по признанию самого Лычкина, выпил у него всю кровь и чуть не довел до самоубийства.

Впрочем, сначала Девяткин казался всем тихим и безобидным шизофреником. Диагноз ему был выставлен довольно поздно – на шестом десятке, до этого родственники, друзья и коллеги, должно быть, считали его чудаком. Обычным чудаком, которых на Руси пруд пруди. Ну да, иной раз раздражается по пустякам, может накричать на пациентов (Девяткин работал урологом в обычной городской поликлинике), часто бормочет себе под нос что-то невнятное, словно разговаривая с невидимым собеседником. Чудак? Определенно – чудак. Но – непьющий и, как говорится, безотказный. Всегда примет всех, кто явился к нему на прием, хоть по записи, хоть не по записи, никогда не откажется подменить «заболевшего» очередным запоем хирурга, может хоть месяц беспрекословно работать в одиночку, без медсестры. Найдите-ка еще в Москве грамотного, квалифицированного уролога, который согласится дольше двух дней работать без медсестры, не снижая нагрузки! Если и найдете, то им окажется какой-нибудь бедолага-доктор из Средней Азии, подвизающийся в поликлинике, что называется, на птичьих правах.

Коллеги любили доктора Девяткина, а начальство ценило.

Но всему есть предел. Когда доктор Девяткин стал рассказывать всем и каждому, что им управляют инопланетяне, коллеги и администрация поликлиники сильно встревожились. Совершенно не разделяя радости Девяткина, которому выпала великая, неслыханная честь стать Первым Полномочным Послом Мирового Разума (именно так называл свою новую должность счастливчик), главврач позвонил по «ноль три» и, являя пример истинного героизма и самопожертвования, развлекал Девяткина беседой в своем кабинете до приезда «скорой» (Девяткин пришел к главному врачу с заявлением об увольнении).

Быстро освоившись в отделении, Девяткин заскучал. Его можно было понять – назначенные препараты делали невозможным общение с мировым разумом. От нечего делать Девяткин стал внимательно приглядываться к окружающей действительности и увидел много интересного. И услышал тоже.

Например, он услышал, как старшая медсестра предупреждала постовую о том, что феназепам сегодня никому из больных давать не надо, так как его выписали чуть ли не всему отделению только для того, чтобы списать требуемое количество для личных нужд Геннадия Анатольевича.

Информация до поры до времени отложилась в голове Девяткина. Немного позже он услышал, как один из врачей сказал медсестре:

– Сейчас ко мне привезут знакомого на промывку, уложи его в процедурном и зови меня.

Часом позже по отделению в процедурный кабинет под ручку провели трясущегося, бледного, небритого мужика в дорогом костюме.

Персонал не стеснялся больных. Во-первых, что они поймут, эти психи, находящиеся под прессингом нейрорептиков и транквилизаторов? А во-вторых, кто им поверит? Привиделось, не иначе.

Процедурный кабинет использовался не только для выведения клиентов из запоя, но и для романтических встреч. Это заведующему отделением хорошо – у него есть свой кабинет, запирающийся на два замка. А что делать тем, у кого такого счастья нет? В ординаторской особо не разгуляешься: во-первых, она одна на всех, а во-вторых, туда постоянно кто-то суется. То рентгенснимки принесут, то анализы, то кто-то из консультантов заявится...

К консультантам Девяткин тоже приглядывался. Видимо, не нравились ему эти консультанты, гневил их чем-то мировой разум. А как не гневить? Терапевт тайком приносила какому-то своему знакомцу плоские, двухсотпятидесятимиллилитровые бутылочки с коньяком, невропатолог в открытую вымогала деньги за консультацию, а вызванный ночью хирург был настолько пьян, что облевал не только того, к кому его вызвали, но и его соседей по палате. Одним из соседей оказался Девяткин.

Ну и по мелочам – денежки медсестрам и санитарам, «субсидии» лечащим врачам... Все об этом знают, но одно дело, когда все знают, и совсем другое, когда в департамент здравоохранения поступает жалоба на порядки в конкретном отделении конкретной больницы. Да еще с подробнейшими комментариями и непременно указанием даты и времени. Это уже не жалоба, а прямое руководство к действию.

– Я бы еще понял, если бы такую телегу накатал какой-нибудь старый пердун из адвокатов! – возмущался заведующий отделением. – Но свой же коллега, врач, которого мы ничем не обидели! Можно подумать, что он сам никогда с больных

ничего не брал и ни разу не «натянул» кого-нибудь из медсестер в своем кабинете!

Не исключено, что в бытность свою простым врачом Девяткин так и поступал – брал взятки, вступал в краткосрочные сексуальные контакты с сестрами прямо у себя в кабинете, а может быть, даже и мухлевал с рецептами для льготников. Но все это было раньше, в той, прошлой, скучной жизни. Став Первым Полномочным Послом Мирового Разума, Девяткин внутренне переродился. Ощутил свою ответственность за все, что творится вокруг, и начал бороться со злом. И надо сказать, бороться весьма эффективно. Ведь чем так опасны врачебные жалобы на своих коллег? Да тем, что врачи сами часть этой системы. И они прекрасно знают, на что следует обратить внимание и куда надо писать. И какими словами. И вообще – на чем лучше сделать акцент.

– Попадись он мне, кверулянт[3 - Кверулянт – психопатическая личность, страдающая болезненным стремлением к сутяжничеству.] хренов! – скрипел зубами заведующий, расписываясь у больничной кадровички за строгий выговор с занесением. – Ох, не пощажу!

Девяткин, выправивший себе инвалидность, в это время, наверное, сидел дома и строчил очередную кляузу. Попадать в руки Геннадия Анатольевича он не спешил.

Обошлось малой кровью – на главного врача наорали в департаменте, заведующий и старшая сестра огребли по «строгачу», врач, во время дежурства лечивший клиентов со стороны, тихо слинял в другую клинику. Геннадий Анатольевич втайне, про себя, не переставал радоваться тому, что дотошный жалобщик увидел только верхушку айсберга, не заметив его гораздо большей «подводной» части. Но все равно ему долго было тревожно и неприятно.

– Чего ты так нервничаешь, Гена? – спросила однажды жена.

– Не хочу, чтобы из-за какой-то сволочи меня поперли из заведующих.

– Ты же честно купил свое место, – удивилась жена.

За назначение на должность заведующего отделением Геннадий Анатольевич заплатил главному врачу двенадцать тысяч долларов, которые, впрочем,

«отбились» меньше чем за полгода, даже с учетом ежемесячной «дани». Дань зависела от многих факторов, но никогда не опускалась ниже пятнадцати тысяч рублей. Геннадий Анатольевич был счастлив на посту заведующего отделением – он умел извлекать выгоду из всего, причем делал это легко и непринужденно.

Теневая больничная экономика подчинялась простым, эффективным и довольно жестким законам. Причем функционировала она без бюрократической бумажной возни и оттого – без сбоев. Врачи, «имевшие» с пациентов, «отстегивали» некоторую, пропорциональную своим доходам сумму заведующим отделениями. Те, в свою очередь, «заносят» главному врачу. Своя цепочка тянулась и от старших сестер к главным. Рядовые медсестры, в отличие от рядовых врачей, данью не облагались, поскольку «левые» доходы у них были небольшими, можно сказать – копеечными. Отчего умная медсестра так хочет стать старшей медсестрой? Во-первых, работа не в пример чище, а во-вторых, старшие сестры отделений занимаются получением, хранением, учетом и распределением лекарственных средств. Вот где оно – золотое дно! Особенно в психиатрии, где две трети препаратов – строго учетные и оттого с рук стоят очень дорого. Это уже не золотое, а поистине бриллиантовое дно.

– Купил-то я его у главного, а попереть меня могут по свистку из департамента, – ответил он неразумной супруге. – Да и Филиппыч наш своего никогда не упустит, скажет: «Раз не справляешься, так зачем лез», – и посадит другого. Кому можно верить?

– Мне, мне можно, – промурлыкала жена, легонько царапая Геннадия Анатольевича своими наманикюренными коготками.

«Да уж, – подумал он. – Оглянуться не успеешь, как рога вырастут...»

Увеличив дозировку препаратов, Безменцева немного подумала и решила помимо консультации невропатолога назначить Данилову и консультацию терапевта. Пусть сделает запись. Употребление алкоголя в анамнезе есть? Есть. Нелишне проверить печень с поджелудочной. И вообще – сам он врач, жена тоже врач, да вдобавок из начальничков... так спокойнее. Безменцева тоже не любила пациентов из числа врачей. Лучше всего, конечно, сплавить этого Данилова в другое отделение «по обмену», но кто захочет брать такого «тройного коня»?

Обмен больными – один из видов больничной взаимопомощи и взаимовыручки. Бывает так – ну не складываются у пациента отношения с врачами отделения. Ну никак... и это ему не так, и то ему не эдак, и вообще. В психиатрии подавляющее большинство пациентов беспокойны, хотя бы в начале курса лечения, и «заглушить» до спокойного состояния можно любого скандалиста. Но вот родственников никак не «заглушишь». Если они считают, что здесь их мужа-сына-брата-сестру-жену-мамашу лечат неправильно и переубедить их не удастся, то перевод в другое отделение – хороший выход. И обстановка меняется, и грязь за пределы родной больницы не выносится. Все тихо, келейно, елейно. Ну, разумеется, руководствуясь древним принципом «око за око», отделение, принимающее «сложного» больного, постарается спихнуть в ответ кого-то из своих «проблемщиков». Разумеется, существуют исключения из негласных правил. Так, например, больного без определенного места жительства и без документов не возьмет ни одно отделение, хоть умри. Кому из врачей охота долго и нудно решать вопрос об устройстве таких пациентов в психоневрологический интернат, да еще ездить в пусть и ближайшее к больнице отделение ФМС и простаивать там в очередях, «выправляя» пациенту паспорт. Без паспорта ни один интернат не примет, а в отделении вечно держать нельзя, ибо койка должна оборачиваться.оборот койки в медицине не менее важен, чем оборот денег в торговле. Хорошо, если такой пациент немного полежит в отделении и сбежит бродяжничать дальше. А если он не хочет или не может сбежать?

«Ладно, пусть пока полежит, – подумала Безменцева, убирая историю Данилова в синюю картонную папку с цифрой «6» и завязывая тесемки. – Профессорский обход есть, заведующий смотрел, диагноз обоснован, терапия по показаниям, соответственно тяжести заболевания, обследование проводится...»

Тут она вспомнила, что забыла обосновать в сегодняшнем дневнике увеличение дозировок, и со вздохом («блин, не хочешь, а подставишься...») потянула за конец одной из тесемок, развязывая бантик.

Под халатом завибрировал мобильник, висевший на шейном шнурке. Сообщение. Нетрудно догадаться от кого. Так и есть – от Светочки (про себя и с глазу на глаз Безменцева называла главного врача больницы Святослава Филипповича Воронова Светочкой. Тот не возражал против откровенно женской трактовки своего имени, только просил контролировать себя и случайно не назвать его так на людях).

«Дождись меня, освобожусь к шести», – прочла Безменцева на экране.

«К шести» – это хорошо. Это означает, что ужинать они будут вместе, а следовательно, можно будет улучшить удобный момент и поинтересоваться – когда же она, наконец, станет заведовать приемным отделением? Спрашивать об этом в лоб нельзя – Светочка не любит, когда на него давят, а между делом – как раз. Сколько же ждать? И ведь не даром он Полосухину все в «исполняющих обязанности» держит, значит, она его не устраивает и присматривает он кого-то еще. А с другой стороны – не торопится принимать окончательных решений. Эх, он бы лучше в постели так долго тянул, как с делами, вот уж цены не было бы такому любовнику.

Заметно повеселев, Безменцева дописала пару строчек в истории болезни Данилова, вернула ее в папку и перешла к седьмой палате. Всего она вела двадцать восемь больных – четыре четырехместные палаты и две шестиместные. Иногда к ним добавлялась «палата люкс» – комфортабельный одноместный номер с собственным санузлом. На бумаге она числилась «наблюдательной», то есть предназначалась для пациентов, нуждавшихся в круглосуточном наблюдении персонала. К таким пациентам относятся, например, люди с выраженной склонностью к самоубийству или же очень агрессивные типы. В наблюдательной палате должен быть круглосуточный медицинский пост, оттого-то она и называется «наблюдательной».

Геннадий Анатольевич начал свое заведование с ликвидации этой палаты и превращения ее в фешенебельные (по больничным меркам, естественно) апартаменты для избранных. Всех, нуждающихся в присмотре, он распорядился класть в коридоре, поближе к постовым медсестрам – пусть они и наблюдают. Подобная практика существовала во многих отделениях, и администрация больницы привычно закрывала на это глаза. Тем более что иногда и главному врачу приходилось укладывать «к себе» нужных людей или их родственников. Не в общую же палату их класть и не в свой кабинет.

«Палата люкс» обычно не числилась постоянно за кем-то из врачей, а использовалась по мере необходимости или по очереди, чтобы никому не было обидно. Умные люди никогда не допускают трений с коллегами. Особенно если на работе им периодически приходится вступать в конфликт с законом. Так спокойнее – можно, хоть и не полностью, быть уверенным, что свои не сдадут.

Закончив с дневниками и назначениями, Тамара Александровна достала из нижнего ящика своего стола аккуратно сложенное махровое полотенце, лежащее не просто так, а в пластиковом пакете, и отправилась в душевую для сотрудников. Она обожала всяческие водные процедуры, искренне веря, что вода смывает все плохое – и грязь, и усталость, и отрицательные эмоции.

Глава шестая

Несовпадение интересов

Утренний подъем касался только тех, кому это было надо. Сдавать анализы, идти на процедуры, завтракать, в конце концов. Если ничего не назначено и есть не хочется – спи до обхода.

– Вова, а ты в психушке на занятиях был? – Юра вернулся с завтрака и желал общения.

– Был, – подтвердил только что проснувшийся Данилов.

– Тогда есть вопрос... – Юра сел на свою койку. – Вот наша дурка – это несколько корпусов, в каждом по несколько этажей, так ведь?

– Так, – подтвердил Данилов, не понимая, к чему клонит сосед.

– В обычной больнице все ясно – хирургия там, терапия, урология... А здесь как делятся отделения? Ну, мужское и женское – это ясно, а дальше как? Псих же он и есть псих, кого ни взять, у всех шизофрения или психоз...

– Как ты глубоко мыслишь, – похвалил Данилов.

– Это вы о чем? – в палату вошел Миша.

– О нашей дурке, – ответил Юра. – Я Вовке вопрос задал, а он мне комплимент сделал.

Миша улегся так, чтобы видеть Данилова, и выжидающе уставился на него.

– Вообще-то ты прав, – сказал Данилов. – По большому счету кого ни возьми, так у всех либо шизофрения, либо психоз. Грубо говоря. А что касается отделений, то их просто много. Наше вот второе, а всего, как я думаю, не меньше двадцати. Называются они отделениями для лечения острых форм психических расстройств, и кладут в них всех...

– Придурков, – вставил Юра.

– Можно сказать и так, – улыбнулся Данилов. – А для тех, кто немного расшатал свои нервы, существуют психотерапевтические отделения.

– Типа санатория... – снова перебил Юра.

– Какой тут может быть санаторий, когда мужики отдельно от женщин! – возмутился Миша.

– А ты, я погляжу, ходок! – Юра оскалился и погрозил ему пальцем. – Ничего, это скоро пройдет. Завянет твой стручок от таблеток...

– Что – правда? – Миша обвел собеседников растерянным взглядом.

– Это временно, – утешил его Данилов. – Я тебе как доктор говорю: как перестанешь таблетки пить, все вернется в норму...

– Кроме головы, – рассмеялся Юра. – Голова уже никогда в норму не вернется, потому что никакой такой нормы не существует.

– Слушай, Юр, – не выдержал Данилов, – ты что – готовишься стать психиатром? Отделениями заинтересовался, про нормы какую-то пургу несешь...

– Да какой из меня психиатр, – Юра скрестил ноги и уперся руками в колени, – просто такой уж я – люблю вникать в мелочи.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«М-эхо» – ультразвуковое исследование головного мозга. Этот метод позволяет увидеть смещение так называемых срединных структур головного мозга, которое, как правило, является следствием какого-либо объемного образования – опухоли, кисты и т. п.

2

Не совсем точная цитата из Библии, Матф. 7:8.

3

Кверулянт – психопатическая личность, страдающая болезненным стремлением к сутяжничеству.

Купить: <https://tellnovel.com/andrey-shlyahov/doktor-danilov-v-durdome-ili-strashnaya-istoriya-so-schastlivym-koncom>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)